

Е Л Е Н А С Е В Е Р О В А

18+

ВЫБИРАЯ СЕБЯ

18+

Елена Северова

Выбирая себя

«Автор»

2026

Северова Е.

Выбирая себя / Е. Северова — «Автор», 2026

Кира Жилина, выпускница 5 курса факультета «Психология служебной деятельности». Последний учебный год начинается с новости: за лето появился новый завкафедрой и привёл собственную команду. И спокойной учёбе приходит конец. Кира оказывается втянута в игры двух преподавателей – харизматичного манипулятора, от которого невозможно скрыться, и строгого профессионала, который не даёт спуска ни себе, ни другим. Теперь на кону не только её будущее в профессии, но и личная жизнь. Казалось, она умеет читать людей, видеть их истинные мотивы и распознавать манипуляции. Но это работает ровно до тех пор, пока в игру не вступают собственные чувства. Запретная любовь, пересечение всех возможных красных линий и запретов, чувства перетекающие в зависимость, разрушительная одержимость переворачивают всю её жизнь с ног на голову. Теперь Кире предстоит сделать выбор и попытаться вернуть себя. Роман погружает в атмосферу университета, профессиональной среды психологов и сложных межличностных отношений.

© Северова Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Северова Выбирая себя

1

– Дина! Какого черта! – закричала изо всех сил девушка на переднем пассажирском сидении. Она резко подтянула колени к себе, спасаясь от струй и брызг грязной горячей воды, которые с шипением вырывались из-под капота внутрь автомобиля. Машина резко дёрнулась и, будто вкопанная, замерла у самого тротуара.

Справиться с дверью удалось лишь со второго раза. Девушка плечом вытолкнула дверь и выскочила на тротуар и тут же врезалась в кого-то, едва не сбив его с ног и на мгновение потеряла равновесие. Незнакомец, от неожиданности подхватил её под локти, их крутануло по инерции, словно в танце.

– Осторожнее, – сказал он.

Она отвернулась, и принялась отряхивать юбку. Дина хохотала, сидя за рулём, и никак не могла остановиться. Её заразительный смех разносился во все стороны.

– Кира, вернись! – сквозь слёзы выкрикнула она. – Куда ты выскочила как ошпаренная? Она снова захохотала, едва дыша.

– Хотя ты и есть такая! Ошпаренная!

Едва справившись с приступом смеха, она наконец вылезла из машины и обошла её, попутно открывая капот. У распахнутой пассажирской двери уже столпилось несколько мужчин разного возраста, с любопытством заглядывая в салон, изучая ситуацию; на их лицах читались и усмешка, и сочувствие. Дина, распахивая зевак, искала глазами подругу, которая стояла где-то позади них. Она держалась за подол короткой узкой юбки, оттягивая её мокрый край от ног и сдерживаясь, чтобы не выругаться вслух. Копна длинных каштановых волос скрывала её покрасневшие щеки.

Дина, уже переставшая хохотать, встала рядом, схватившись за голову оценивая ущерб.

– Вы в порядке? – раздался голос позади них.

Они одновременно повернулись на голос. Перед ними стоял тот же человек, на которого налетела Кира. Он выглядел так, будто сошёл со страниц старого романа. Его внешность была редким сочетанием утончённой привлекательности, интеллигенции и дипломатичности. Высокий, стройный, с очень приятными чертами лица, одет в костюм тёмного цвета. Белая рубашка и бордовый галстук с узором вносили нотку изысканности, выдавая в нём человека с тонким вкусом. Тёмные густые волосы едва серебрились сединой, но это не старило, а, наоборот, придавало ему особый шарм. На вид ему было около сорока.

Кира не сразу нашлась, что ответить.

– Простите, – выдохнула она, всё ещё не веря, что это произошло. – Я случайно. Простите.

– Могу я вам чем-то помочь? Вы не пострадали? – сказал он, и голос его оказался таким же приятным, как и внешность. Они на мгновение встретились взглядами. Его улыбчивые, внимательные глаза изучали её.

– Ага, – лишь буркнула не настроенная на разговор Кира и отвернулась, скидывая с лица волосы.

– Мы справимся, благодарю вас, – с неизменно прекрасным настроением ответила за неё Дина.

– Что ж, хорошего дня! И будьте осторожны! – мужчина отправился дальше, на прощание еще раз бросив оценивающий взгляд на обеих девушек и чуть дольше задержавшись на Кире.

– Да, её теперь точно только на свалку, – авторитетно заявил коренастый мужик в рабочей спецовке, судя по всему, водитель со стажем. – Кипяток по ногам – это перегрев.

– Какой перегрев? Ты глянь, сколько натекло! – тут же вступил в дискуссию молодой парень в очках, студенческого вида, важно поправляя рюкзак на плече. – У неё патрубок пробило, сто процентов. Видите, лужа под радиатором? Это антифриз. Вся система охлаждения к чертям собачьим.

– Это капремонт, девоньки, как минимум, но не сразу же «на свалку».

Девушки переводили непонимающие взгляды с одного мужчины на другого и Дина тут же принялась отгонять от машины любопытных зевак, которые уже предлагали поделиться контактами хороших мастерских.

Она всё это время пыталась сохранить серьёзное лицо, но с каждой новой репликой мужчин всё сильнее прыскала в кулак, наконец не выдержала:

– Мальчики, спасибо за консилиум! Но дальше мы разберёмся сами.

Когда они остались одни, Кира наконец позволила себе улыбнуться.

– Я тебя убью! Ты чуть не сварила меня заживо! Я же сто раз спрашивала, всё ли в порядке, и почему приборная панель вся моргает, как новогодняя ёлка. А ты уверяла, что нормально!

Подруга снова прыснула со смеху.

– Да брось, Кира, тебе надо было видеть своё лицо! Я впервые видела тебя в настоящем, неподдельном испуге! Вот это эмоции были! Я сегодня весь день ржать над тобой буду!

Открыв заднюю дверь машины, Кира достала свой плащ и сумочку.

– Хватит быть такой пофигисткой! Закрывай свою развалюху, и бежим. Мне не хочется опаздывать в первый же учебный день.

– Мне жаль тебя огорчать, но мы уже однозначно опоздали.

День выдался солнечным, сентябрьское утреннее солнце начинало припекать, но в воздухе уже ясно ощущалось первое прохладное дыхание осени. Кира запахнула плащ поглубже и позволила Дине взять себя под руку. И несмотря на то, что Кира была значительно выше подруги, им удавалось идти слаженно в шаг.

– Ты, кажется, совсем не расстроилась из-за машины? – спросила Кира.

– Не-а. Эту папа купил у соседа по даче, старая развалюха. Он сказал, как только я научусь водить нормально, он подарит мне новую.

Их университет, массивное здание на одной из центральных улиц города, встречал их непривычно оживлённой картиной. Хотя первая пара уже началась, у главного входа кипела жизнь: старшекурсники стояли шумными группами, образуя пёструю толпу.

Подруги, пробираясь сквозь эту толчею и на ходу обмениваясь приветствиями с некоторыми ребятами, влетели в здание, приложили пропуска к турникетам и, едва дождавшись разрешающего сигнала, рванули внутрь. В коридорах царила тишина, ярко контрастирующая с уличным шумом.

Дорогу они знали наизусть – не первый год учились в этих стенах.

– Дина, стоять! – Кира поймала подругу за локоть. – Ты куда поплёрлась?

– Э-э... На пару...

– Я не могу пойти в таком виде, – она картинно распахнула плащ, демонстрируя тёмные мокрые пятна на одежде. – Мне надо в туалет, хотя бы немного просушить салфетками пятна.

– Ну так чего стоишь передо мной, как эксгибиционистка в парке! Пойдём скорее!

Они рванули по коридору.

В туалете Кира стянула безнадёжно испорченные колготки и отправила их в мусорку. Потом намотала на кулак гору салфеток и принялась яростно промокать подол.

– Вот чёрт, – простонала она. – Теперь юбка выглядит так, будто её пережевала и выплюнула слюнявая собака. И ещё от меня несёт, как от заправки!

Дина, поправляющая макияж перед зеркалом, слегка взбила пальцами свои по-мальчишески короткие волосы и отмахнулась:

– Да брось. Пошли, я тебя прикрою! Кстати, ты в курсе, что у нас новый заведующий кафедрой? – бросила Дина уже на бегу.

– В смысле? – Кира замерла на месте, уставившись на подругу. – А куда делся Юрий Михайлович?

Дина снова прыснула со смеху.

– Ты хоть иногда заглядываешь в общий чат? – уже отворачиваясь крикнула она, и подруги снова бросились вверх по лестнице.

– А что там смотреть? Один трёп и пошлятина!

– Понятно. Короче, Ленка со Славкой пару дней назад ходили за расписанием, и заглянули на кафедру... Встретили там Юлю, секретаршу, и та выложила всё. Новый завкафедрой, он же, кстати, будет читать нам лекции – какой-то мужик, и по сравнению с Михалычем – просто красавчик! Он привёл свою команду, частично поменял преподав... В общем, будет интересенько!

С этими словами они наконец подбежали к нужной аудитории на третьем этаже, опоздав на целых пятнадцать минут.

– Ты обещала меня прикрыть, ты и заходи первая! – Кира подтолкнула Дину.

Девушки на мгновение замерли, стараясь придать своим лицам подобающую серьёзность, но у Дины снова вырвался смешок. Прикусив губу, она с трудом взяла себя в руки, постучала в дверь, распахнула её и сделала уверенный шаг вперёд, Кира шагнула за ней. На них обернулась вся аудитория, и в классе повисла неловкая пауза. Кира, не ожидавшая, что подруга резко остановится с размаху налетела на неё, втолкнув подругу дальше в кабинет и застыла рядом.

– Оу... Простите за опоздание, разрешите... – Дина не смогла договорить, как её снова начинало потряхивать от смеха. Потому что с преподавательского места на них смотрел тот самый интеллигентный мужчина, который менее получаса назад кружился с Кирой «в танце» и предлагал им помощь с машиной.

По аудитории пронёсся возбуждённый шёпот.

– Какое интересное совпадение! – улыбнулся новый преподаватель и в его глазах мелькнул огонёк. – Мы с вами уже почти знакомы. Уважительная причина опоздания мне известна, проходите.

Он широким жестом указал на свободные места, но все три оказались разбросаны поодиночке в разных концах кабинета. Дина молниеносно заняла ближайший стул в ряду у стены, оставив Кире нелёгкий выбор: сесть на первую парту в центре рядом с Ленкой, прямо перед преподавателем, или пробраться к окну.

Она выбрала дальний вариант. Под перекрёстным огнём любопытных взглядов сокурсников и оценивающим взором преподавателя она направилась к месту.

Черноволосый парень, сидящий в одиночестве, довольно и понимающе кивнул ей и, пересаживаясь, освободил место рядом, ближе к проходу.

– Простите... – прошептала она, смущаясь, хотя извинение адресовалось скорее пространству, чем кому-то конкретно.

Парень тут же небрежно закинул руку на спинку её стула, но Кира сделала вид, что не заметила этот жест.

– Итак, для тех, кто опоздал, повторюсь. Я ваш новый заведующий кафедрой и преподаватель, Евгений Геннадьевич Шнайдер. Впереди нас ждёт год совместной работы, курсовые, диплом. И я предлагаю сразу настроиться на продуктивный лад. Первый месяц станет временем взаимного привыкания: я буду присматриваться к вам, а вы – ко мне. У ваших групп будут новые кураторы.

Кира, сидя за столом, украдкой разглядывала нового преподавателя. Его лицо отличалось чёткими, выразительными чертами: высокие скулы, ровный лоб, тонкий прямой нос. Серо-зелёные глаза лучились энергией, а от самого педагога веяло неиссякаемой бодростью.

Из мыслей её вывел Дима, сосед по парте. Он толкнул её коленом под столом, пытаясь привлечь внимание. Кира посмотрела на него, и он, ерзая на стуле, придвинулся к ней вплотную, так что их плечи соприкоснулись. Девушка не отодвинулась, а её серьёзный взгляд сменился ироничным, словно говорящим: «Ну, чего тебе?»

– Привет. Как лето? Я скучал, – шепнул он.

– Давай позже поговорим?

– Да брось, ничего важного он сегодня не расскажет, – отмахнулся Дима, но вдруг замер и принялся. – Фу. Что это?

– Ты о чём?

– Духи, что ли, новые? Кто тебе их посоветовал?

– Автослесарь мой. Ещё вопросы есть?

– Нет, серьёзно. От тебя пахнет, если не сказать – воняет, так, будто ты только что перебрала двигатель собственными руками. Я прям в детство вернулся, в гараж к деду.

Кира дрогнула уголками губ и повернулась к нему лицом.

– Так, уважаемые, я понимаю, что за лето вы порядком соскучились друг по другу, но я всё-таки вынужден попросить вас о тишине и порядке.

Продолжая зрительную дуэль с соседом, Кира не сразу поняла, что эта фраза преподавателя была адресована им с Димой. На её щеках выступил лёгкий румянец. Она украдкой взглянула на Евгения Геннадьевича и чуть отодвинулась от парня. Однако Дима тут же снова сократил дистанцию, с тем лишь отличием, что теперь его взгляд был прикован к преподавателю. Он смотрел на него в упор нарочито внимательно, но при этом не переставал наваливаться плечом на Киру.

Евгений Геннадьевич продолжил:

– Итак, я буду вести у вас теорию по психологии служебной деятельности. Сразу после лекции – практикум у Романа Алексеевича Чернова, не опаздывайте. Но обо всём по порядку. Поговорим о планах на год. Я очень серьёзно отношусь к теории и к лекциям. Прогулы строго запрещены, кроме как по уважительной причине. За каждый пропуск предусмотрена отработка. Так же я требую вести подробный конспект. Это важно.

– Пойдем в бар? – опять тихо на ухо прошептал Дима.

– У нас впереди ещё две пары. Да и там всё забито будет сегодня.

– Тогда в пятницу?

– Возможно.

– ... Прежде, чем я продолжу, – он слегка постучал ручкой по столу, но взгляд его был направлен куда-то вглубь аудитории, обращая внимание, что это очень важный момент, сейчас будет заключительный этап фундаментальной теоретической подготовки...

Пока он говорил, Кира всё время пересекалась с ним взглядом. Поначалу ей казалось, что это просто совпадение, но вскоре она заметила: его интерес к ней отнюдь не случайный, в нём чувствовалось откровенное любопытство.

Кира бросила взгляд на аудиторию: все студенты с интересом разглядывали нового преподавателя. Но сама она предпочла больше ни разу на него не смотреть. Всё оставшееся время она, изображая полную поглощённость речью, посвятила изучению столешницы: старым надписям, небрежным рисункам и шариковой ручке, которую рассеянно катала указательным пальцем туда-сюда. Но мысли её были далеко: она снова и снова прокручивала ту неловкую сцену у машины, с надеждой и ужасом пытаясь вспомнить, не сорвалось ли с её языка тогда чего-то неуместного или грубого. Кажется, она в основном хранила молчание... но уверенности в этом не было.

Наконец, пара закончилась, и преподаватель первым удалился из кабинета, пожелав всем хорошего первого дня. Грохот отодвигаемых стульев и хор голосов не смогли заглушить Ленкино восклицание:

– Боже, Кира... Что с тобой? Как ты умудрилась так испортить юбку? Не успела появиться в универе, уже успела с кем-то позажиматься? Кто тебе наставил мокрые пятна, а? Рассказывай!

Девушки встретились взглядом. Ленка непроизвольно захихикала, довольная своей шуткой.

– Почему это так тебя волнует? – с лёгкой усмешкой ответила ей Кира.

– Синицина, тебя так интересуют пятна на чужой юбке, потому что никто не оставляет их на твоей собственной? – вступил в разговор Дима, небрежно бросив руку на плечо Киры и слегка притягивая к себе.

– А может мне интересно, почему препод сказал, что уже знаком с ней и в курсе причин опоздания. Что он знает, чего не знаем мы?

– Не твоё дело. И вообще, чтобы чужая личная жизнь поменьше будоражила твоё воображение, займись-ка своей. Перейди уже от теории к практике. Вот Димка, он с удовольствием тебе поможет. – Кира скинула его руку с плеча.

– А, кстати! В чем, действительно, дело? – Дима тоже с любопытством посмотрел на Киру.

– Ничего интересного.

Кира оглянулась, стараясь высмотреть в толпе Дину, но та уже умчалась на встречу с Никитой, парнем с другого факультета. И Кире ничего не оставалось, как пойти со всеми пить автоматный кофе. На вкус он был такой же неприятный и кислый как все Ленкины шутки.

Кира неторопливо дошла до расписания, перекинулась парой слов с подругами из параллельного потока, а после неспешно прошла по длинному, залитому солнцем холлу.

В коридорах было полно студентов младших курсов, которые создавали слишком много суеты и толчеи. Запутанные лабиринты коридоров не смущали её, и она ловко пробиралась среди них к нужной аудитории. Она распахнула настежь дверь кабинета, в окна которого струился яркий солнечный свет. В кабинете для практических занятий стоял гул голосов, громкий мужской смех, топот и шелест тетрадей.

Это был узкий кабинет, где парты, выстроенные в два ряда лицом к лицу, образовывали длинную «ножку» буквы «Т». У её торца возвышался массивный преподавательский стол, позади которого на стене располагалась доска. Слева от неё находилась дверь в крошечную преподавательскую – нечто вроде мини-кабинета.

Кира отыскала глазами подругу, которая уже расположилась в самом начале ряда «круглого стола» и придержала для неё место первое от преподавательского стола. Она скинула плащ и повесила на спинку стула.

– Давай на перерыве заскочим в магазин? Тут рядом есть один. Купим новую юбку, а то... – виновато сказала Дина.

– Не надо.

– Прикройся хотя бы плащом.

– Да вот ещё! И вообще, если кто-то будет так пристально меня разглядывать, значит ему просто нечем себя больше занять. Расскажи, как прошла встреча с Никитой?

– Да нормально, после пар снова встретимся.

– Понятно. Как-то я ожидала больше восторгов в голосе.

Дина пожала плечами, но ничего не ответила. Все ожидали нового преподавателя, но никто даже не заметил, как тихо приоткрылась дверь преподавательской и оттуда вышел мужчина.

На вид ему было лет тридцать пять. Мужчина чуть выше среднего роста, подтянутый и крепкий, одет строго: пиджак поверх тёмной водолазки, тёмные брюки. Его тёмно-русые волосы были коротко стрижены и аккуратно уложены на бок. Сосредоточенное выражение лица, тонкие губы были плотно сомкнуты. Но больше всего поражали глаза. Глубокого серого

цвета, они были невероятно внимательными и пронизательными. Окинув аудиторию холодным, слегка надменным взглядом, он произнёс:

– Приветствую вас, ребята. Разрешите представиться: Чернов Роман Алексеевич. Я ваш новый куратор и преподаватель.

Он говорил негромко, но очень размеренно, с чёткими паузами. Его бархатистый, глухой тембр пленял мгновенно. В аудитории не осталось ни одного человека, который бы не посмотрел на него без интереса. Держался он строго, почти не жестикулируя, и всё в нём говорило о собранности и серьёзности.

– Весь этот год я буду вести у вас три дисциплины: практикум по психодиагностике, психологию переговоров, а также спецкурс «Основы профайлинга». Мы будем встречаться не менее четырёх раз в неделю.

После небольшой вводной речи он резко перешёл сразу к делу.

– Итак. Психодиагностика. Практические основы. Методики. Интерпретация. Именно этим мы будем с вами заниматься.

– Будем тестики выполнять? – кто-то попытался пошутить с дальнего края стола.

– За тестиками можешь переводиться к «трудовикам». И вообще, что такое тесты? Тесты – это всего лишь инструмент. Мы будем учиться смотреть глубже, больше анализировать, основываясь на свои мозги. – Он сел, положил руки на стол и слегка наклонился вперёд. – Кто мне ответит, зачем нужна психодиагностика в служебной деятельности?

В кабинете повисла тишина. Кира оглянулась на всех, набрала воздуха в лёгкие и ответила:

– Чтобы оценить пригодность кандидата к службе. Выявить психопатологии. Спрогнозировать поведение в стрессовой ситуации.

Чернов посмотрел на неё равнодушным взглядом и кивнул.

– Правильно. По учебнику. – Он вновь встал, обошёл стол и оперся бедром на край столешницы, скрестив руки на груди. – А теперь представьте, что вы не в уютном кабинете с бланками тестов. Вы на выезде. На улице дождь или мороз. У вас нет ноутбука, интернета. К вам привели человека, и вы за пятнадцать минут должны понять: в каком он состоянии? Что у него внутри? Он опасен?

Он замолчал, посмотрел на всех студентов и вновь вернулся к Кире и на какой-то миг ей показался взгляд высокомерным и отталкивающим.

– Учебники вы зубрить это хорошо, но недостаточно. Ваш главный инструментарий – глаза, уши и голова. И если вы не научитесь с этим работать, вы будете бесполезны на любой должности, где от вашего решения будет зависеть чья-то жизнь.

Продолжая рассказывать о предстоящей учёбе, он неуклонно подчинял себе внимание каждого. Его взгляд ни на ком не задерживался надолго, но отточенная речь и цепкие, пронизательные глаза создавали ощущение, что он говорит с тобой лично, проникая в сознание.

– Поэтому у нас будет практикум. Вы будете работать в парах, группах. Вы будете диагностировать друг друга. Кто из вас знаком с основами профайлинга?

В полной тишине было слышно, как под кем-то заскрипел стул. Кира вновь повернулась налево, оглядывая всю группу. Ей не хотелось выглянуть выскочкой, она ждала. Дима, сидящий напротив Киры, первым поднял руку. Чернов удовлетворённо кивнул.

– Кто-то ещё?

– Я читала немного... – произнесла Кира.

– Читать и знать основы – разные вещи. В этом году настоятельно рекомендую этот спецкурс.

Кира внимательно следила за лицом преподавателя и как бы он ни старался держать себя под контролем, она заметила разочарование во всех присутствующих.

– Я знаю, что многие из вас думают, что профалинг – это как в сериалах. Пришёл, посмотрел, сказал этот и этот врут, «убийца – садовник», и все хлопают в ладоши. Забудьте. В реальности это тяжелая работа. Вы будете часами работать с людьми, которые будут вам неприятны или неинтересны, которые будут без конца вам врать. И вы будете слушать эту ложь и не иметь права перебить, потому что вам нужно разговорить человека.

Он посмотрел на парней, проигнорировав девушек.

– Некоторым из вас «повезет» работать в горячих точках..., – он впервые немного запнулся и Кира невольно подняла на него глаза, – с очень травмированными людьми. Я говорю это не для того, чтобы напугать, а чтобы вы поняли, что вам надо использовать этот год и наш практикум по максимуму для ваших же интересов. А теперь первое задание. – Он взглянул на часы, и кинул по центру стола стопку бумаги. – У вас есть десять минут. На листе три вопроса. Отвечайте письменно. Не подписывайте. Это не тест, это стартовый срез. Чтобы я понимал, с кем имею дело.

Он сел в кресло и, откинувшись на спинку, сложил руки на столе, переплетя пальцы и сохраняя осанку идеально ровной. Кира взяла бланк в руки:

1. Опишите человека, который сидит справа от вас. Три детали, которые вы заметили, но которые не бросаются в глаза.

Кира невольно повернулась к преподавателю, ведь именно он сидел справа от неё. Тот, уловив её немой вопрос, молча указал пальцем на Димку.

«Ну и зря», – подумала Кира. «Я бы о вас с удовольствием написала: во-первых, невероятно красивые глаза; во-вторых, прекрасная речь и хорошо поставленный голос; ну и напоследок – надменность и высокомерие». Но вместо этого она посмотрела на Димку, и они хитро улыбнулись друг другу. Затем Кира продолжила читать вопросы:

2. Вспомните ситуацию, когда вы поняли, что вас обманывают. Что именно вас насторожило.

3. Как вы думаете, почему я попросил не подписывать этот лист?

По аудитории раздались вздохи, шёпот, щёлканье ручек. Кира вновь украдкой бросила на преподавателя осторожный взгляд и в очередной раз поразилась, насколько он непроницаемый. Словно не человек. Никаких эмоций на лице.

Его манеру держаться можно было назвать отстранённо-самоуверенной. Казалось, он совершенно бесчувственен, однако в конце занятия, когда работы были собраны, уже прощаясь, он неожиданно изменился: взгляд смягчился, а по лицу пробежала короткая, едва заметная улыбка. И этого мимолётного проявления человечности было достаточно. Она видела, как Ленка и Дина провожали его с мечтательными лицами, пока он уходил в свою подсобку.

2

Потянулись первые дни учёбы и спустя пару недель, собравшись в излюбленном студентами кафе, удачно расположенном между двух корпусов университета, все разговоры девушек из потока организационной и трудовой психологии были о новых преподавателях. Чаще всего говорили о загадочном Романе Алексеевиче, ну и немного слов посвятили Евгению Геннадьевичу, которому Кира с Димкой из-за сложно произносимого имени присвоили прозвище: Евгенадич.

Кира, сидела одна и невольно прислушивалась к разговорам девушек за соседними столами, перетирая в руках порционный пакетик с сахаром. Девчонки вовсю строили планы: миниубки, вызывающие декольте, покупка каких-то «особых» духов... Он взрослый, серьёзный мужчина, а они сюсюкались и без остановки называли его «милашкой», делились сплетнями и новостями. Даже её подруга Дина вела себя странно на парах: она становилась похожа на щенка не только преданными, сияющими глазами, но и характерным наклоном головы набок. Согнись у неё одно ухо пополам и получился бы настоящий щенок овчарки. Ленка

Синицина вела себя точно так же, во всём её лице читалось то же самое обожание. Ей было их жаль. И его тоже.

Но больше всего её бесило, что и она сама не осталась к нему равнодушной, и меньше всего ей хотелось быть похожей на своих сокурсниц. В душе поднимался бунт: «Ну и пусть они стараются для него, а он любит ими, тем более что посмотреть тут есть на что: тут тебе и блондинки, и брюнетки, есть парочка красоток азиатского типа, высокие и низкие... А я буду из вредности делать всё наоборот! Лишь бы он не подумал, что я с ними заодно!»

Наконец, дверь кафе распахнулась, звякнул колокольчик на входе и Дина, запыхавшаяся плюхнулась в кресло. Кира, не меняя позу, подняла на неё взгляд.

– Ох, что я узнала! Ты удивишься!

– Давай, удивляй, я готова.

Дина села поудобнее и чуть подалась вперёд, чтобы не кричать. Положила локти на стол, глаза горели, ей явно не терпелось выговориться.

– Представляешь, наш Роман Алексеевич...

– О нет, – Кира откинула голову в сторону и закрыла утомлённо глаза. – И ты туда же...

– Да ты послушай, не перебивай. Короче, он бывший военный корреспондент, получил ранение в одной из командировок. Из-за этого был вынужден переквалифицироваться в военного психолога. А с Евгенадичем они давние и очень хорошие друзья.

Кира, демонстрируя, терпение поджала губы и слушала, склонив голову набок. А Дина продолжала:

– Мне Чернов нравится, он такой грустный все время.

– Ой, да прекрати. Спорим, это все его образ, эдакий мудрый серьёзный мужчина, утомленный жизнью и, возможно, вниманием женщин... Да, он симпатичный, но он, блин, надменный какой-то.

– Ты его недолюбливаешь?

– Да нет же. Но меня сбивает его насмешливый взгляд. Такое чувство, что он постоянно над всеми нами посмеивается. Меня это сбивает, отвлекает, вызывает на ненужные эмоции, если угодно.

– Тебе вечно никто не нравится! Нельзя быть такой букой и ко всем относиться с подозрением.

– Это не правда. Мне много кто нравится.

– Ну кто например?

– Ой, всё, отстань!

– Вот! Я об этом и говорю.

– Дин! Ты ведёшь себя как подросток! У тебя напрочь отсутствуют навыки социального выживания! Ты видишь оболочку и довольствуешься этим, а это чревато проблемами. Научись видеть глубже! Жизненно важно научиться замечать сигналы неискренности. Ты посмотри, например, на улыбку Устинова. Это же оскал, а не улыбка. Он искренне улыбается лишь тогда, когда кому-то плохо. Когда сделанная им гадость достигает цели. Тогда даже глаза участвуют в улыбке, лишь тогда ему искренне весело.

– На мой взгляд Устинов тоже довольно милый! Он как плюшевый мишка!

– Внешность его единственное преимущество! И он ей пользуется.

Они помолчали. Кира собираясь с мыслями, а Дина просто несогласная с ней.

– То же касается Синициной. – Продолжила Кира, – Я не встречала ещё другой такой завистливой и ядовитой девицы.

– Вам давно пора помириться. Мы же в одном коллективе... надо учиться принимать всех, сглаживать углы.

– Я понимаю. Я и не лезу к ней. Это и есть мой способ «сглаживания углов». Но что касается выбора друзей, тут я свободна. Хочу – общаюсь, не хочу – нет. А знаешь, что самое страшное в них? В таких как Устинов и Синицина?

Дина даже не пыталась ответить, просто ждала продолжения.

– Что эти люди идут в психологию. И не просто психологию, а психологию служебной деятельности.

– В каком смысле?

– В прямом. Мы сейчас проходим техники глубинного интервью. Как за двадцать минут вытащить из человека то, что он никому не рассказывал. Как читать микровыражения, которые он сам у себя не замечает. Как построить раппорт так, что он тебе всё выложит, а потом ещё и спасибо скажет.

– Это называется профессиональные компетенции, – осторожно сказала Дина. – Мы будем с людьми работать. С потерпевшими, с несовершеннолетними, с сотрудниками, у которых выгорание...

– Я знаю, – перебила она. – Но мы же обе понимаем: эти «компетенции» – они как нож. Им можно хлеб резать. А можно в спину.

Кира смотрела за окно, рассуждая будто сама с собой.

– Он, Устинов, не просто так говорит про пары Чернова: «Я пришёл научиться вычислять лжецов». Это индикатор: человек с удовольствием использует власть, которую ему дают знания. – Она сделала паузу. – Мы получаем карту уязвимостей людей. Техники активного слушания – это, по сути, легальный взлом. Эмпатия, которой нас учат, если её отключить? Это же идеальный сканер чужих границ. Ты знаешь, где у человека болит, ещё до того, как он сам это понял.

– Ты сейчас говоришь как параноик, – сказала она, но без уверенности. – Психолог – это не манипулятор.

– Это в теории, – согласилась Кира. – Я недавно нашла исследование. Среди студентов-психологов процент тёмных профессионалов выше, чем среди будущих менеджеров или инженеров. Подумай, почему. Менеджер управляет процессами. Инженер управляет механизмами. А психолог управляет тем, что внутри человека. Мотивацией. Страхами. Доверием.

Дина хотела возразить, но Кира поднял руку.

– Я не говорю, что все психологи зло. Я говорю: профессия даёт ключи. От чужих сердец, голов, секретов. И если эти ключи попадают в руки того, у кого нет внутреннего тормоза... Тот, кто идёт в психологию за властью, он не считает себя злым. Он считает себя «эффективным», «профессиональным», «понимающим человеческую природу». Он не видит границы, за которой помощь превращается в контроль. Потому что, если ты умеешь залезть человеку в голову, как ты поймёшь, что ты уже не лечишь, а хозяйничаешь?

Они долго молчали, после чего Кира добавила уже более бодрим голосом.

– Нас самих, прежде чем обучать, должны проверять психологи. Проводить особый отбор.

– Мне страшно не от того, что ты это говоришь, – тихо ответила Дина. – Мне страшно от того, что я с тобой согласна. Но... Давай сменим тему. Ты пойдешь в пятницу в бар?

– Почему бы и нет. С Удовольствием.

– Хорошо, тогда я сейчас напишу в наш чат.

Дина уткнулась в телефон, а Кира опять перевела взгляд в окно, наблюдая за спешащими прохожими. Погода начинала портиться, небо заволочло низкими тёмно-серыми тучами, из-под которых вылетали резкие порывы ветра и гнали вихри сухих листьев. Им следовало бы было поторопиться на пару, если они не хотят опоздать и промокнуть.

– Пошли, что ли. На практику. Будем учиться видеть в людях то, что они прячут.

– В себе бы разобраться, – буркнула Дина себе под нос.

Кира остановилась, но не обернулась.

– Это сложнее.

Они вошли в аудиторию ровно в тот момент, когда полил сильный дождь, отчего в кабинете, несмотря на большие окна, стемнело.

– Вот, чёрт! – выругалась Дина, – намокнем теперь. Мне так плохо без моей машинки.

– Что с ней, кстати?

– Папа вывез на свалку. Пообещал новую на день рождения, а до этого ещё целый месяц придется на общественном ездить.

Кира не успела ответить, в аудитории опять неслышно появился Чернов. В отличие от Шнайдера, который всегда ходил в костюме, Роман Алексеевич был одет в дорожную кожаную куртку с воротником стойкой, которую не всегда снимал на занятиях, накинутой поверх чёрной водолазки и в тёмно-синих джинсах.

– Так, – он бросил на стол стопку распечаток. – Тема сегодня: «Методы диагностики личности в экстремальных условиях». Кто мне назовет три основных инструмента, которые используют при отборе кандидатов в спецподразделения?

Студенты зашуршали тетрадами. Кто-то слева от Киры что-то шёпотом переспросил у соседа.

– СМИЛ, тест Люшера и... – начал Дима, но замялся и Чернов перебил:

– И? Не тянете. СМИЛ – восемьсот вопросов. В полевых условиях вы будете заставлять человека восемьсот вопросов заполнять? Пока он их заполнит, произойдет катастрофа.

В аудитории тихо засмеялись.

– Практикум сегодня будет парный, – Чернов обвел взглядом комнату. – Один – диагност, второй – испытуемый. Задача: провести экспресс-оценку эмоционального состояния и выявить склонность к рискованному поведению. Инструментарий – проективные методики, наблюдение, беседа.

Он посмотрел на Киру, сидящую ближе всего к нему.

– Жилина, вы с Гушиным Дмитрием. Гушин – испытуемый. Жилина – диагност.

Кира кивнула. Дима, сидевший напротив Киры, откинулся на стуле и усмехнулся:

– О, мне везет. Жилина меня сейчас насквозь видеть будет.

– Не видеть, а диагностировать, – поправила Кира, доставая тетрадь. – И прекрати ёрзать. Я уже фиксирую двигательное беспокойство.

Дима хмыкнул, но сел ровнее, нагло глядя на неё в упор.

Чернов опустил на стул, вытянул ноги, сложил руки на груди, наблюдая за ними. Кира взяла лист чистой бумаги со стола Чернова и подпихнула парню.

– Нарисуй несуществующее животное, – сказала она стандартную инструкцию. На самом деле она уже сканировала: поза закрытая, руки скрещены, даже когда сел ровнее, взгляд в сторону, зрачок нормальный, дыхание ровное, межбровная складка постоянная.

– А если я художник никакой? – Гушин лениво вытащил ручку из нагрудного кармана пиджака.

– Да ты и психолог так себе, – выкрикнул кто-то, вызвав смех всей группы. Чернов проигнорировал.

– Художественная ценность не оценивается, – ровно ответила Кира. – Рисуй.

Он начал выводить что-то угловатое, периодически глядя в глаза Кире.

– Ты её портрет рисуешь? – теперь пошутила Синицина.

– Синицина, готовьтесь, вы следующая будете делать опрос. – резко вставил Чернов.

Кира продолжала делать пометки в блокноте:

«Крупный рисунок, нажим сильный, уверенный. Животное – нечто между утконосом и экскаватором. Глаза – две точки, зрачков нет. Зубы подчеркнуты. Защитные элементы – шипы, чешуя»

– Расскажи теперь о нём, – попросила она, когда Гушин отложил ручку. – Где живет? Чем питается?

– В пещерах, – он пожал плечами. – Питается... ну, кем придется.

– Агрессивное?

– Если тронут – да.

Кира взяла рисунок в руки и через минуту заговорила:

– Вербализация агрессии, защитная форма. При этом отсутствие проработки глаз – избегание контакта, возможно, аутистические тенденции или высокая тревожность, маскируемая бравадой.

Помолчав ещё немного и поняв, что Чернов не собирается ничего комментировать она продолжила:

– А теперь ассоциации. Я называю слово, ты говоришь первое, что приходит в голову.

Договорились?

Дима склонил голову набок, опять скептически улыбнулся и кивнул.

– Огонь.

– Жара.

– Ночь.

– Кайф.

– Оружие.

– Работа.

Кира подняла бровь.

– Работа?

– Ну да. Оружие – это работа, – он криво улыбнулся.

– Власть.

– Порядок.

– Слабость.

Гушин замаялся на секунду. Кира заметила: микропауза, опустил глаза, сжал челюсть.

– Трусость, – сказал он тихо.

– Стоп, – Чернов поднялся со стула и присел на край столешницы. – Жилина, что вы сейчас зафиксировали?

Кира не растерялась:

– Ассоциативный ряд стабилен, доминируют темы контроля, силы, профессиональной идентификации. На стимул «слабость» задержка реакции, микровыражение дискомфорта. На слове «трусость» снижение громкости голоса, уход зрительного контакта. Предположительно, значимый негативный опыт в прошлом. Компенсаторная стратегия – гиперконтроль и демонстрация силы.

Чернов кивнул. Впервые за утро на его лице появилось нечто, похожее на одобрение.

– Гушин, подтверждаете?

Он посмотрел мимо Киры, в окно.

– Ну, было дело, – сказал он нехотя.

– Можете не конкретизировать, – Чернов махнул рукой. – Это не исповедь. Жилина, вы допустили одну ошибку.

Кира напряглась.

– Какую?

– Вы спросили «договорились?» перед ассоциативным тестом. В ситуации, где испытуемый может быть оппозиционно настроен, это дает ему возможность отказаться. Вопросы должны звучать как утверждения. Не «договорились?», а «называйте ассоциации». Без права на отказ.

– Но это же не допрос, – возразила Кира.

– А это зависит от контекста, – Чернов посмотрел на нее внимательно. – На службе контекст бывает разный. Вы должны уметь работать в любом.

Он повернулся к группе.

– Синицина, поменяйтесь местами с Жилиной и продолжайте.

Лена встала, слегка прокашлялась, обошла Киру не глядя и села на её место.

– Я ещё могу добавить... – неожиданно произнесла Кира. – Наблюдение за невербальными реакциями в процессе рисования. Гуцин трижды поправлял манжету левой руки. Это может указывать на соматическое напряжение. Я должна была зафиксировать это отдельно и потом перепроверить в беседе.

Чернов усмехнулся.

– Жилина, вы бы еще пульс у него проверили.

К этому моменту девушки расселись по местам. Лена положила ногу на ногу и откинула волосы назад. Она вытянула губки вперед и игриво посмотрела Диме в глаза, тот всё так же сидел, небрежно развалившись на стуле.

– Расскажи, – начала она, наконец. – Любые три истории. Не торопись.

– Уточните, Синицина, концепцию историй. – Поправил её Чернов.

– А, да. Две – правда. Одна – ложь.

Дима усмехнулся и почесал затылок.

– Первая. Мне было лет двенадцать. Мы с отцом весной поехали на рыбалку. Лодка перевернулась. Вода ледяная, я не умел плавать. Отец вытащил меня, потом мы часа два ждали спасателей. Я тогда впервые понял, что такое настоящий страх.

Лена слушала, не перебивая, не моргая вглядываясь в лицо.

– Вторая история, – Гуцин понизил голос, сделал паузу. – Когда мне было пятнадцать, я украл в магазине шоколадку. Просто так, на спор с пацанами. Меня поймали охранники, вызвали родителей. Мать плакала. Отец не разговаривал со мной неделю. Я до сих пор помню, как стыдно было.

– Третья..., – он прошёлся глазами по ряду студентов, пока не дошёл до Киры, усмехнулся и повернулся обратно к Ленке, – Третья. В прошлое лето, когда мы все с вами ездили в Крым, я провёл одну ночь с Жилиной вместе...

Он не договорил, вся аудитория захохотала.

– Вот ты придурок, – прошипела Кира.

– Ну прости, ни о чем другом думать больше не могу..., – он приложил руку к сердцу и соорудил виноватое лицо.

– Гуцин, это глупо. – Чернов смотрел на него в упор. – Но хуже другое: ты плохо врешь, а шутишь, хотя это и на шутку не тянет, вообще отвратительно.

– Ладно, Жилина, прости. Сейчас расскажу другую историю.

Неожиданно дверь в кабинет распахнулась и вошёл Евгений Геннадьевич.

– Да у вас тут весело. Ваш смех слышен в конце коридора. Роман Алексеевич, следите за порядком, пожалуйста. Не портите мне студентов. – Он обвёл взглядом группу, повернулся к Кире и пристально посмотрел, – вижу, сегодня все на месте. Даже те, кто любит проверять на прочность систему охлаждения старого автомобиля.

По аудитории прошёл лёгкий смех, отчего у Киры на лице лёгкий румянец запылал ещё сильнее. Шнайдер улыбнулся, после чего скрылся за дверью подсобки.

– У нас время вышло, – Лена кокетливо смотрела на Чернова.

– Свободны на сегодня, можете идти. Пусть только останется староста.

– А его нет. Он... заболел, – Лена произнесла это слишком быстро и сразу же добавила, – Я могу побыть вместо него.

– Нет, благодарю.

Синицина разочарованно посмотрела ему в спину, хотела что-то добавить, но не успела – дверь за преподавателем закрылась.

Сентябрь выдался дождливым, что очень способствовало учёбе – никто не хотел пропускать пары, гуляя по городу. Уже к концу месяца все студенты вошли в рабочий режим и постепенно в коридорах стихали разговоры о новых людях на кафедре. Но как бы Кира не отнекивалась, она так же, как и все девушки готовилась к занятиям более усердно. И это касалось не только предметной подготовки. Теперь она чуточку дольше и критичнее смотрела на своё отражение в зеркале и чуть тщательнее укладывала волосы.

Интуиция Киру не подвела и первое впечатление от Чернова оказалось верным. Он действительно был строгим и безжалостным, особенно это касалось всех девушек. Он словно им доказывал, что они выбрали не ту специализацию.

Каждый тренинг превращался в борьбу за выживание. Студенты выходили с красными и уставшими лицами. И даже несмотря на то, что на лекциях Евгения Геннадьевича приходилось много писать, они воспринимали их как передышку.

В небольшой аудитории-амфитеатре все первые ряды были заняты, студенты с лёгкой расслабленностью ожидали начало лекции. Шнайдер появился в дверях вовремя. В безупречном костюме и идеально выглаженной рубашке, расстёгнутой на верхнюю пуговицу, он свежий и бодрый, заполнял своей энергией всё пространство. Волосы как всегда аккуратно уложены, его лицо светилось мягкой и открытой улыбкой.

– Итак, подведём итоги первого месяца. Есть некоторые вопросы по посещаемости и успеваемости. К тому же, я переговорил с Романом Алексеевичем, и надо признать, он не в восторге от того, что видит на занятиях.

В аудитории все притихли. Евгений Геннадьевич обвёл всех взглядом, не осуждающим, скорее заинтересованным и вышел из-за стола.

– По его словам, на спецкурс ходят не все, активность проявляют единицы. Остальные просто молчат и отсиживаются. И это, скажу я вам, тревожный звонок.

Он выдержал паузу и Кира почувствовала на себе его прожигающий взгляд, но не понимала головы. Она ничего не могла с собой поделать: её интуиция подсказывала быть с ним осторожной. Рядом с ним она неизменно старалась держаться в стороне, словно прячась за стеной чужих спин. На занятиях она впитывала каждое слово коллективной дискуссии, но сама всегда хранила молчание. И стоило их глазам случайно встретиться, как она мгновенно разрывала этот зрительный контакт. Так было и в этот раз. За всю пару она ни разу на него не посмотрела.

От Шнайдера тоже не укрылось, что в его отсутствие она была совершенно другой. Стоило ему выйти, он слышал, как она оживлялась, брала инициативу, говорила громко, иногда даже присаживалась на край стола, смело высказывалась и яростно спорила. Но едва он переступал порог, она мгновенно замолкала, словно ракушка, захлопывающая створки, снова уходила в себя. Она не улыбалась ему, не кокетничала, не пыталась понравиться. Она всегда смотрела мимо него, словно он пустое место. Это бесило его и цепляло одновременно.

Время лекция подходило к концу, студенты закрывали тетради и убирали всё со столов.

– И последнее. Сейчас я выдам самому ответственному из вас план курса. Здесь список тем, литературы, требования к работам. И, внимание, список тем для курсовых и дипломных работ. Они уже утверждены, но вы можете предлагать свои, если аргументируете. Я знаю, что многие из вас уже начали обсуждать эти вопросы. Это хорошо. Но не спешите. У вас есть время до конца следующей недели, чтобы определиться.

Он окинул взглядом всю группу и поднял стопку листов над головой:

– Кому мне отдать?

– Я могу взять и передать старосте, – практически пропела Синицина, поднимая высоко руку.

– А кто у вас староста? Я ещё не успел всех вас выучить.

– Нет, – пробасил Дима, – не надо им давать. Я за Жилину. Кто со мной согласен?

Несколько человек подняли руки и Шнайдер тут же перевёл взгляд на неё:

– Это, если я не ошибаюсь, вы? – он притворно прищурился, будто сомневался. –

Отлично, подойдите ко мне. Кстати, Жилина, ваш куратор просил вас зайти к нему сегодня после пар. Вы знаете, где он сидит?

– Знаю. В подсобке 320 аудитории.

– Не надо унижать наш мини-кабинет словом «подсобка», а в остальном всё верно. Не забудете?

– Нет.

Он не сводил с неё глаз, поджидая пока она подойдет и заберёт листы из его рук. Но она, всё так же глядя куда-то мимо, взяла их и вышла быстрым шагом. На выходе её уже ожидала Дина, но Кира пронеслась мимо неё, догоняя Диму.

– Ты зачем это сделал? Ты же знаешь, что я никогда не горела желанием заниматься такой деятельностью! Пусть бы Синицина сама...

– Интересно было наблюдать за твоей реакцией. – Перебил её Дима, – хочешь, я расскажу тебе, что я надиагностировал?

– Замолчи. Я думала ты мне друг.

– Конечно, друг. Но это тебе за «тревожность, маскируемую бравадой».

Кира наигранно возмущенно покачала головой, взяла Дину под руку и увела в сторону. Когда они отошли на безопасное расстояние подальше от любопытных ушей Дина заговорила:

– Видела бы ты лицо Ленки, она так психанула, что эти списки тебе отдали. У неё аж лицо перекопилось. Ей так хочется быть поближе к Чернову.

– Если бы ты на моё лицо в этот момент смотрела, ты бы увидела то же самое. Вообще не интересно быть вместо Славки.

– Да ладно тебе.

– Я серьёзно. Я не хочу быть старостой. Иначе мне придётся решать какие-то вопросы и с Черновым, и с ним. – Она кивнула в сторону Шнайдера и выдохнула успокаиваясь, – ладно, не хочу об этом сейчас думать. Что у нас сейчас по расписанию?

– Основы психогенетики.

Оставшийся день пролетел незаметно и чем быстрее стрелки приближались к окончанию последней пары, тем тревожнее билось сердце Киры.

– Мне подождать тебя? – спросила Дина.

– Нет, не надо. Езжай домой. Вдруг Чернов там занят, придётся ждать. И вообще непонятно, что ему надо.

– Тогда обещай мне позвонить сразу же, как выйдешь.

Кира загадочно улыбнулась и ничего не ответила. Она уже пересекала длинный коридор, в окна которого лился вечерний свет и махнула ей рукой на прощание не оглядываясь. Она вышла на чёрную лестницу, хотя и знала, что вход студентам туда запрещён. Но так было ближе идти. Через три минуты она уже стояла перед дверями 320 аудитории. Постучала в дверь и приоткрыла. Там никого не было, свет выключен, только из подсобки лился мягкий свет. Она услышала шум и в дверном проёме показался Чернов.

– А, это вы, Жилина, проходите.

Он провёл её в кабинет, где кроме них никого не было. Небольшая, около трёх метров в глубину комнатка была рассчитана на два рабочих места. Противоположную от входа стену целиком занимал стеллаж, заставленный папками с документами и книгами. Прямо перед стеллажом, в слабом свете настольных ламп, стояли два рабочих стола, разделённые небольшим промежутком. Вечерний свет едва пробивался сквозь единственное окно с торцевой стены, оставляя комнату в полутени. Вся мебель здесь была видавшей виды, но ещё сохранившей

достойный вид. Роман Алексеевич, прикрыв дверь, знаком указал Кире на кресло у дальнего стола. Сам же направился к другому и непринуждённо опустился на край столешницы. Кира прошла, но осталась стоять. Она молчала, ожидая, когда он заговорит первым.

– Я вижу ваше удивление, – куратор позволил себе мягкую улыбку. – Не беспокойтесь, я лишь хотел обсудить с вами обязанности старосты без лишних глаз.

– Старосты? Но при чём тут я? Я не староста и даже не заместитель.

– В том-то и дело. Я заинтересован это изменить.

– Да, но вот я совсем не заинтересована. – Ответила она и сама удивилась своей дерзости.

– Понимаю. И тем не менее, я настаиваю. Я планирую переложить эту обязанность на вас.

– Даже не знаю, что вам ответить. Честно говоря, меня эта перспектива не слишком радует. У нас в группе много активных. Вот взять бы хотя бы Гущина...

– Вот и прекрасно! – перебил он её. – Выберете себе любого помощника.

Натиск Чернова и уверенность в своих действиях сбила её с толку, и она начала сдаваться.

– И что же от меня требуется?

На его лице вновь промелькнула мягкая улыбка.

– Давайте сядем и спокойно во всём разберёмся...

– Я ещё не согласилась, – напомнила Кира. – Хочу лишь понять, на что меня подписывают.

Но он уже не слушал её, устроился за своим столом, вынул из ящика стопку документов и плавно подъехал на кресле к ней.

– Сядьте, прошу вас. Для начала я попрошу организовать новый чат вместе со мной, вот здесь написан мой номер. Там я лично или через вас буду выкладывать необходимую важную информацию. В целом, обязанностей немного, но они требуют времени. Вы, как я уже сказал – связующее звено между группой и преподавателями. Если кто-то заболел – предупреждаете. Если нужно собрать подписи, сдать ведомости, уточнить изменения в расписании – это тоже всё к вам. Во-вторых, вы будете помогать в организации практикумов. Разбивка на пары, сбор заданий, контроль посещаемости. В-третьих, – он посмотрел на неё в упор, – бывают вопросы, которые надо решать не при всех. Конфликты, нарушения, академические задолженности, личные проблемы. Я не прошу быть надзирателем и стучать мне на одногруппников, но вы будете моими глазами.

Кира молча слушала, не в силах быстро придумать какой-то весомый аргумент для отказа.

– Здесь есть и плюсы. Опять же характеристика для будущего места работы. Староста – всегда плюс.

– Я поняла. – обречённо ответила она.

– Тогда с завтрашнего дня, вы мой официальный помощник. Дементьева я поставлю в известность сам. – Он положил ладонь на бумаги и добавил: – Это стопка ведомостей, надо собрать подписи всех студентов. Займитесь этим.

Неожиданно дверь в кабинет распахнулась, и в проёме показался Евгений Геннадьевич. Увидев девушку за своим столом, он застыл с улыбкой на лице.

– Не хотел вам помешать.

– Мы уже почти закончили, – официальным тоном ответил Чернов.

Кира, поняв, что сидит за столом Шнайдера, в одно мгновение собрала разложенные по столу листы и устремилась к выходу. Шнайдер, как и прежде, загоразивал собой проём, державшись одной рукой за дверную ручку. Их взгляды встретились, но вместо прощаний они лишь молча коротко кивнули друг другу. И девушка, протиснувшись практически вплотную к нему, исчезла так стремительно, словно сбежала с места преступления.

Дождавшись, когда она уйдёт, Евгений прошёл и небрежно развалился в кресле с довольным и расслабленным видом:

– Ты сделал, как я просил?

– Как видишь, – сухо ответил Чернов.

– Так будет лучше. Она ответственная и тебе будет с ней гораздо интереснее общаться, чем с этим... Как его там... Дёминым.

– Дементьевым. – поправил Чернов. – Но мне без разницы, кто является старостой.

– Вот только не говори, что сам не думал поменять его. Вся эта бумажная работа... не мужское дело. Тем более, что Дёмин... невнимателен, непунктуален и безынициативен.

– Дементьев, – снова повторил Роман.

– Точно...

Спустя минуту Женя продолжил:

– И как всё прошло? Она сопротивлялась?

– Не сильно, но не была в восторге. – Он захлопнул ноутбук и резко повернулся к Шнайдеру, – скажи мне, что ты задумал? Зачем ты попроси меня об этом и что собираешься делать дальше?

– Ничего. Не доверяешь?

Рома пристально и неодобрительно посмотрел на друга:

– Слишком хорошо тебя знаю!

Шнайдер усмехнулся и развернул кресло к столу, открыл ноутбук, всем видом показывая, что разговор окончен, но потом всё-таки добавил:

– Расслабься, я не собираюсь ничего такого делать... Хотя она крайне симпатичная девочка, не находишь?

– Не разглядывал. Если каждую разглядывать, времени на работу не останется. Я не хочу разделять своих студентов по гендерным принадлежностям. Они все для меня на одно лицо, бесполое существа. Есть лишь две категории: умные, подающие надежды и вторые – остальная масса.

– Как грубо, Роман Алексеевич. Но вот, кстати, я бы отнёс эту девочку к первой категории. Я посмотрел её успеваемость за предыдущие года. Один из лучших показателей.

– Возможно, она просто типичная заучка, очередная хорошая девочка с синдромом отличницы.

– Время рассудит.

– Время рассудит.

3

Октябрьский, пробирающий до костей, ветер дул с залива, разгоняя тёмные низкие тучи. В воздухе пахло сыростью и горьковатым ароматом мокрых опавших листьев. Кира ненавидела позднюю осень, когда солнце появлялось так редко, что каждый его луч казался подарком. Ненавидела и начало зимы, когда световой день укорачивался до неприличия, а выходить на улицу хотелось всё меньше. В такие дни ей казалось, что она существует в режиме ожидания. Задерживает дыхание и не может выдохнуть, пока не увидит солнце.

В тесной примерочной, где пахло новой тканью и легкой химией, Кира натянула чёрное обтягивающее платье. Провела ладонями по талии – село идеально, подчёркивая каждый изгиб фигуры. Медленно повернулась спиной к зеркалу, глядя на себя через плечо – тоже идеально. Одним движением стянула резинку с хвоста, и волосы рассыпались по спине тёмной волной. Приподнялась на цыпочки, представляя себя в туфельках на каблуках.

Отражение ей нравилось, а вот ценник нагонял тоску. 4999. Плюс ещё столько же надо на подарок Дине на день рождения – на видеорегиистратор для новой машины. Несколько дней назад Дина пригласила её в ресторан, посидеть в семейном кругу и отказаться Кира ей не могла.

Кира замерла перед зеркалом, чувствуя, как внутри идёт борьба. Платье или две недели жизни впроголодь? Лишних денег не было совсем, а отражение в зеркале так радовало и это

лишь усложняло выбор. И всё же, она вышла из торгового центра с двумя пакетами и улыбкой на лице.

Наступил очередной учебный день и студенты, вывалив огромной толпой из аудитории, что-то бурно обсуждали. Кира с друзьями тоже влились в этот поток.

– Пойдём, пообедаем в кафе, – предложила Дина.

Кира напряглась. Она бы с удовольствием прогулялась, но денег на кафе не было. Надо было срочно придумать отговорку.

– Вы идите, а я... мне надо в библиотеке кое-что взять. Нам же работу Калининой сдавать через три дня. У меня материала не хватает.

– Успеешь, Жилина, пойдём. – Сказал Дима.

– Не могу, правда.

– Ну хотя бы кофе выпьем.

– У меня свой с собой, – она вытащила из сумки термокружку. – Вы идите, перерыв сейчас большой, я догоню вас попозже.

Она обрадовалась, когда друзья не стали больше задавать лишних вопросов и оставили её в покое. Не теряя времени, она пошла по своим делам.

Кира толкнула тяжелую дубовую дверь библиотеки и окинула взглядом длинные ряды пустых столов. Она очень рассчитывала на это обеденное затишье – в тишине лучше работается. Она опустила за стол, вытащила из сумки тетрадь, ручку и включила настольную лампу с абажуром нежно-зелёного цвета и сразу же погрузилась в работу.

Она проработала около двадцати минут и вздрогнула от неожиданности когда на её стол из-за спины резко поставили стаканчик с кофе. Она подняла голову – Дима уже отодвигал стул, собираясь сесть рядом, а Дина стояла с другой стороны.

– Вы напугали меня.

– Угу, – Дима зевнул, прикрывая рот ладонью.

– Вы чего пришли?

– А ты чего не пришла?

Они улыбнулись друг другу.

– Пей, это тебе. Угощаю, – Дима кивнул на стаканчик. – Только он уже остыл.

– Спасибо.

Он наклонился вперёд и положил локти на стол, слегка ссутулившись. Заглянув ей через плечо в записи, он задумчиво одобрительно покивал головой.

– Слушай, Жилина, – сказал он почти шёпотом. – Ты закончила со своей работой?

– Да. А что?

– Сделай мне, а? И Ермолаеву.

– С чего бы это?

– Да я что-то протянул... сам уже не успею. А Ермолаев очень просит...

– Тебе хватит одного, максимум двух вечеров плотной работы. Иди прямо сейчас, возьми её методичку...

– У меня аллергия на пыльные книги.

– Ты избалованный лентяй.

– Ну помоги. – Он чуть подался вперёд, глядя ей прямо в глаза. – Мы заплатим.

Кира на секунду задумалась.

– Ты ставишь меня в неловкое положение. Ты мой друг, я не могу брать с тебя деньги, но и помогать тебе мне лень.

– Хорошо, я буду угощать тебя кофе до конца года. Так идёт? Я вижу по тебе, что ты уже почти согласна, – заметил он.

Кира постучала кончиком ручки по тетрадке, размышляя.

– Какая тема тебе досталась? – спросила она наконец.

– «Психологические аспекты профессионального выгорания у сотрудников экстренных служб», – Дима скорчил страдальческую мину. – Там же столько всего перелопатить надо, опросники, диаграммы...

– Хорошо, я тебе помогу, но ты молчи. Но Ермолаеву...

– Тоже. Он заплатит наличкой. И ещё реферат по психогенетике ему.

– Почему ты за него так переживаешь? Ему надо, пусть сам подойдёт.

– Он тебя боится.

– Вот и правильно.

Они замолчали, оба глядя в никуда. Кира взглянула на него предостерегающе:

– Ладно. Но никому ни слова.

– Ты лучшая!

Он чмокнул её в щёку, подскочил и направился к выходу, на ходу бросив:

– Всё, я побежал! Не буду мешать!

Дина, которая всё это время делала вид, что изучает фотографии в телефоне, подняла голову.

– Ты уверена, что тебе надо в это ввязываться?

– Я знаю, что это неправильно, что, если узнают, могут и отчислить. Но мне сейчас правда очень нужны деньги.

– Как ты всё успеешь?

– Если спать по четыре часа, то вполне, – полушутя ответила она.

– Кира, ты не забыла о моём приглашении на день рождения? Ресторан и все дела...?

– Я обязательно приду.

– И не надейся, что я позволю тебе там отсыпаться.

Кира закрыла глаза. Поставив локти на стол, она положила голову на руки, мысленно перебирая дела:

«Курсовая Калининой – доделать и сдать. Работа для Гущина – тема про выгорание, надо будет подобрать литературу, сделать обзор, прикрутить опросник. Плюс Ермолаев. И реферат по психогенетике – там тема полегче, можно просто переписать с двух источников. Ну и день рождения Дины».

Три дня. Настоящий спринт.

Она открыла глаза, сделала глоток остывшего кофе и переставила стаканчик со стола на соседний стул – библиотекарь не позволяла им приходиться сюда с едой и напитками.

Но семейный праздник сорвался. Накануне дня рождения Кире позвонила расстроенная подруга и выпалила: всё пропало. Родители не успевают вернуться из отпуска вовремя. Их рейс неожиданно перенесли на целые сутки. У брата в этот вечер наметились срочные переговоры, от которых он не может отказаться. А с Никитой они вообще поссорились. Короче, катастрофа. Они долго обдумывали разные идеи, перебирали вариант за вариантом, пытаясь хоть как-то спасти праздник. И в итоге сошлись на том, что отменять ничего не надо.

Они пошли на компромисс, предложенный братом: сначала он проведёт переговоры прямо в ресторане, а когда закончат, то продолжат праздновать. В конце концов, это было лучше, чем сидеть дома и смотреть, как рушится вечер, которого они так долго ждали.

Ресторан, который выбрал Саша, находился на последнем этаже бизнес-центра, с огромными окнами и невероятным видом на город. Кира никогда здесь не была. Она вообще редко бывала в таких местах. Дина, напротив, чувствовала себя как рыба в воде. Она беззаботно пропорхала по залу к бронированному столику.

– Расслабься, – Дина подхватила её под руку, увлекая к окну. – Это всего лишь ужин. Саша с партнёром будут обсуждать свои дела, мы – свои.

– А если мне не о чем будет с ними говорить?

– А ты и не говори. Ешь, пей, делай вид, что тебе ужасно интересно. Или просто смотри на город. – Дина кивнула на панорамное окно, за которым огни вечернего города только начинали зажигаться, отражаясь в тёмной глади канала. – Тут красота какая.

Кира перевела взгляд на окно и невольно засмотрелась. Внизу, в чёрной воде, дрожали жёлтые огни фонарей, и казалось, что город висит вверх ногами. Она уже открыла рот, чтобы сказать что-то, но в этот момент к ним подошёл Саша.

– Простите, девушки, задержался. – Он был в безупречном костюме, но по лицу читалась усталость. – Коллега будет минут через десять. Дин, ты пока закажи что-нибудь, не ждите.

– Саш, только давай не всё время о работе говорить, а? – Дина надула губы. – День рождения же.

– Я обещаю закончить как можно быстрее, а потом всё моё время – твоё! – Он перевёл взгляд на Киру, и в глазах мелькнула виноватая усмешка. – Кира, выручай. Развлекай мою сестру, чтобы она не устроила скандал при посторонних.

– Я не устраиваю скандалы! – возмутилась Дина.

– Только вчера по телефону, когда родители сказали, что не успеют вернуться...

– Это был не скандал, это была эмоционально высказанная аргументированная претензия.

– Мне жаль, что наши родители не успели приехать вовремя, но посидеть со мной и Кирой тоже не самый плохой вариант. Завтра они приедут и посидим в какой-нибудь день, отметим дважды твой день. К тому же подарок, который я тебе с утра пригнал под окна, должен был поднять настроение.

– Поднял, спасибо огромное. – Она отправила ему воздушный поцелуй.

Кира улыбнулась, чувствуя, как напряжение потихоньку отпускает. С Сашей было легко, он не давил, не пытался произвести впечатление, не смотрел оценивающе, как многие мужчины его возраста. Просто усталый деловой человек, который пытается удержать всё под контролем и всех спасти.

– Не переживай, – сказала она. – Я присмотрю.

Через полчаса столик превратился в маленький штаб. Саша и его партнёр, мужчина лет сорока пяти, разложили на скатерти бумаги, подвинув тарелки с закусками на край. Кира и Дина сидели на диванчике у окна, делая вид, что поглощены десертом и разговором. Но Кира невольно прислушивалась.

Разговор шёл о контракте, о поставках, о каких-то лицензиях, смысла которых она не понимала. Но она смотрела. Смотрела, как мужчина улыбается, но глаза остаются холодными. Как он поправляет галстук каждый раз, когда речь заходит о документах. Как его пальцы начинают постукивать по столу, когда Саша задаёт прямой вопрос.

Она наблюдала и не могла остановиться. Это было как наваждение – видеть то, что другие пропускают. Замечать, как слова расходятся с телом. Как уверенная речь спотыкается о микропаузы.

– Кир, ты вообще меня слушаешь? – Дина тронула её за руку.

– Что? Да, конечно.

– Я спросила, как тебе тирамису.

– Очень вкусно, – автоматически ответила Кира, хотя не помнила, пробовала ли его вообще.

– Вот и не слушаешь меня! На самом деле я сказала, что выложила статус со своей новой машиной, а Ленка знает, как прокомментировала?

– Как?

– «Ой, а что, она китайская?» – она пыталась изобразить её голос, – я реально раньше не замечала, что она такая... вредная и завистливая.

– Угу.

Дина проследила за её взглядом и усмехнулась.

– Прекрати, – еле слышно прошептала она.

– Я ничего не делаю.

– Ты смотришь. Ты смотришь так, будто пытаешься вскрыть ему череп. Я бы гораздо лучше воспринимала, если бы ты просто смотрела на него как на привлекательного мужчину!

Кира перевела взгляд на свой бокал с шампанским, но не перестала прислушиваться к их разговору.

– Саш, смотри, я планирую поставки на ноябрь, максимум начало декабря. Контракт у юристов, пусть они дальше уже сами там всё оформят. В общем, всё супер, сплошные плюсы. – он криво усмехнулся одним уголком губ, – если, конечно, никто не подведёт с логистикой.

– Отлично. У меня другой вопрос. Лицензии. На прошлой неделе я слышал, что по двум позициям могут возникнуть сложности. Ты это проверял?

Кира внимательно взглянула на мужчину. Сразу после слова «лицензия» он облизнул губы, а через мгновение сменил позу, положив ногу на ногу и пригладил и без того идеально уложенные волосы.

– Лицензии... Саш, это всё решаемо. У меня свой человек в комитете. Возможно, ещё неделька понадобится.

Кира продолжает смотреть: его глаза ушли в сторону, вниз, на скатерть. Он сглотнул и стряхнул несуществующие крошки с края скатерти и облегченно взглянул на экран телефона, который в эту минуту загудел.

– Я понимаю твои риски. Но ты же меня знаешь! Сделаем. Всё сделаем. Простите, пожалуйста, – он обратился ко всем за столом, – личный звонок, я вернусь через пару минут.

Кира терпеливо подождала, пока он уйдет.

– Саш, прости, пожалуйста, возможно, я лезу не в своё дело, но я бы тебе рекомендовала быть чуть осторожнее с этим человеком..., – воспользовавшись минуткой сказала Кира.

– Ну началось, – с расстроенным видом именинница откинулась на спинку дивана и схватила бокал, понимая к чему та клонит.

– Подожди минутку, – и Кира практически одновременно с Сашей сделали сдерживающий жест в ее сторону. Она чуть подвинулась к краю дивана, чтоб говорить не так громко.

– Обрати внимание, как он начинает вести себя, стоит тебе заговорить о его обязанностях, а в данном случае я бы выбрала слово «обещаниях». Налицо признаки неуверенности, отстранённости и ощущения дискомфорта. Я его не настолько хорошо знаю, чтоб сказать более точно. Не могу сказать на сто процентов, что он тебя обманывает, но он совершенно точно не говорит всей правды. И его тактика – избегать прямых ответов, создавать эмоциональное доверие и переводить разговор в плоскость личных отношений.

Саша слегка сдвинул брови и слушал внимательно.

– Кира, ну не порти окончательно наш ужин своими штучками, – взмолилась Дина.

– Нет, Кира, очень даже порти! – не отступал её брат.

– Кира, ты не представляешь, насколько он впечатлителен и восприимчив. Ты ещё пожалеешь об этом разговоре, я тебя предупреждаю. Он классический психастеник от рождения! К тому же, ты знаешь, что он однажды обратился к каким-то людям за благословением выгодной сделки? Поэтому сейчас он расценивает этот твой совет не столько с точки зрения обычной психологии, сколько мистической!

– Мистической психологии? – пыталась отшутиться Кира.

– Мистической. Точки. Зрения. – нарочито серьёзно ответила Дина.

– На сколько процентов ты уверена в своих словах? – брат проигнорировал сестру, лишь поднял указательный палец, призывавший ту хранить молчание. Он, привыкший оперировать цифрами в своих мыслях, переводил разговор в понятное ему русло.

– Девяносто.

Кира наблюдала за его реакцией на свои слова и видела, как его взгляд стал отстранённым. Погрузившись в свои мысли, он старательно анализировал информацию. Удивительно, невольно подумала она про него, как в одном человеке совмещалась математическая практичность и вера в какие-то там ритуалы на удачу.

– Я могу доказать, если ты сомневаешься, – уверенно произнесла Кира.

– Как?

– Сейчас он вернётся, и ты позадавай ему вопросы на тему поставок и лицензий. Например, уточни подробности. Мол, пока он отсутствовал, ты вспомнил, что ещё необходимо выяснить. Я незаметно запишу видео. После ресторана скину тебе на почту разбор.

– Ну хва-а-атит, – застонала Дина.

– Рано! – Кира посмотрела на неё. – Вот именно с такой интонацией и скажешь это своё «хватит», как только Саша и его партнёр опять начнут говорить о работе. А ты, Саш, скажи что-то примерно «выбери себе подарок, сестрёнка, бюджет не ограничен». Дальше я всё сделаю. – Она перевела взгляд обратно на брата, – а вы беседуйте и не обращайтесь на нас внимание.

– Видео, это, конечно, хорошо. Но если он поймёт, что его снимают?

– Не поймёт. Я сделаю вид, что помогаю Дине выбирать подарок, якобы листая что-то в телефоне и демонстрируя варианты.

Она говорила быстро, чётко и по делу. Время было ограничено. Дина, разглядывая поднимающиеся пузырьки шампанского, хотела что-то еще пробурчать, но Кира продолжила, обращаясь к ней:

– Вообще-то тебе это тоже должно быть интересно! Это же твой профиль. Вот давай и потренируемся, поиграем в шпионские игры. Поймаем человека на обмане. Это весело.

– Знаешь, мне кажется, я ошиблась с направлением, я хочу быть детским психологом. А где и когда врут маленькие дети и так понятно.

Дверь ресторана открылась. Партнёр вернулся, извиняясь за долгое отсутствие и Кира тут же приняла беззаботный и даже слегка кокетливый вид. Саша перехватил на секунду её взгляд и едва заметно кивнул.

Тем же вечером, вернувшись в свою комнату, Кира налила чашку горячего чая, открыла ноутбук и разложила перед собой стопку бумаг. Пересматривая видео с телефона, она фиксировала время и писала комментарии; она отсчитывала по секундомеру каждую паузу, фиксировала смены поз.

Было страшно, она делала это впервые не в учебных целях, а помогая кому-то. Кира перепроверила всё ещё дважды и только когда результат полностью её устроил, написала письмо и скинула полный разбор Саше.

С чувством усталости и приятного удовлетворения от проделанной работы она откинулась на спинку кресла. Где-то внутри копилось что-то, чем хотелось поделиться, обсудить, услышать чужое мнение. С кем? С Димой? Он выслушает, покивает, но вряд ли поймёт. С Диной? Та уже на ужине недовольно закатывала глаза. Остался один человек, способный понять её.

«Чернов, – подумала она. – Интересно, как бы он оценил мою работу? Похвалил бы или опять сделал кучу замечаний?»

Она представила его холодный взгляд, его вечное «недостаточно». Последнее время он словно взял за правило быть ей недовольным. От Димы ему достаточно двух аргументов и он кивает, отпускает. А от неё требует четыре, а потом ещё и придирается к формулировкам.

Кира чувствовала это всё острее с каждой парой: она старалась больше всех, а получала меньше всех. Может, он просто не верит, что девушка способна мыслить, как профи? Или ему нравится проверять её на прочность?

Она тратила на подготовку к его предметам столько же времени, сколько по остальным вместе взятым. Но он всё равно находил её слабые места. Довёл до такого страха, который

она не испытывала ни разу за все годы обучения. Под его взглядом ей было неудобно, но ещё больше бесило, что не могла перестать о нём думать.

Она отогнала неприятные мысли, отставила кружку и уставилась в потолок. Мысль о том, чтобы показать ему свой разбор, одновременно пугала и притягивала. С одной стороны – его введливость и вечное недовольство. С другой... только он мог оценить по-настоящему. А может, ей просто хотелось, чтобы он наконец сказал: «Хорошо. Молодец»?

Кира усмехнулась своим мыслям. Она не из тех, кто гонится за чужим одобрением. Но почему-то именно его признание, или хотя бы отсутствие привычной критики, стало для неё чем-то важным. Она почувствовала, как внутри поднимается знакомая злость на саму себя, за эту дурацкую потребность, за этот почти детский жест: «Посмотрите, Роман Алексеевич, как я научилась!».

Телефон звякнул. Пришло сообщение от Саши: «Спасибо, Кира. Уже изучаю, я впечатлён. С тобой приятно иметь дело».

Она прочитала дважды, улыбнулась и убрала телефон. Часы на стене показывали начало первого. Завтра предстоит ранний подъём, Чернов, его придирки и этот вечный взгляд, от которого хочется то ли спорить, то ли доказывать, то ли испариться. Она закрыла ноутбук, выключила свет и забралась под одеяло.

Ранним утром Кира спешила на занятия с твёрдым намерением не думать о вчерашнем разборе. Влившись в толпу, стоящую на светофоре и ёжась от холода, ожидала, когда людской поток начнёт движение навстречу такому же. Она крепко сжимала в руках термокружку с крепким кофе, и не сразу поняла, что уже продолжительное время её телефон гудит в сумке. Звонил Саша. Что могло ему понадобится в это время?

– Слушаю.

– Привет! Я не слишком рано?

– Не слишком.

Кира перешла дорогу и направилась напрямик к главному корпусу, прижимая покрасневшими замёрзшими пальцами телефон к уху.

– Кир, у меня к тебе деловое предложение. Как ты смотришь на то, чтобы поработать у меня? Надо проверить одного подрядчика на честность...

Кира уже зашла в университет и миновала турникеты, теперь уже прижимая трубку к уху плечом и запихивая пропуск обратно в сумку.

– Саш, я не экстрасенс. Я читаю жесты человека, я не читаю мысли! Не стоит ждать от меня чуда.

– Я обещаю тебе заплатить за консультацию. Ещё всего один раз. Мне просто нужен твой профессиональный взгляд на одного человека.

– Пойми, я не...

– Послушай меня. Твоя догадка подтвердилась на сто процентов. Я с самого утра выяснил, что лицензии так быстро не оформить, там в комитете сейчас сложности. Он врал про сроки. Если бы я с ним заключил контракт на его условиях, я бы попал на штрафы, сумма которых зашкаливает. Просто скажи, сколько ты хочешь за консультацию?

– Саша, дай мне время подумать! Я сейчас опаздываю. – Она уже видела, как встречающий её Дима с нетерпением стучит пальцем по запястью, намекая, что им надо поторопиться. Кира понимающе кивнула.

– Когда ты дашь мне ответ?

– Давай вечером созвонимся?

– Договорились, набери меня после девяти.

Кира отключила вызов, пробегая в распахнутую перед ней дверь, ведущую на чёрную лестницу и которую Дима слегка придерживал ногой. Дождавшись, когда она закроется, Кира вытащила из сумки готовые работы и протянула их Гушину.

Чёрная лестница пахла пылью и сыростью. Синицина и Дементьев стояли на верхней площадке, прижавшись друг к другу, когда снизу, этажом ниже, лязгнула дверь. Они замерли, затаив дыхание.

Раздался шорох бумаг и шелест страниц, а потом и приглушённые голоса, но в тишине лестничной клетки слышные отчётливо и узнаваемо.

– Здесь всё? – спросил Гушин.

– Естественно.

– Окей. Как и договаривались, наличные. Здесь за две работы Ермолаева. Пять тысяч.

– Хорошо. Ермолаеву передай, чтобы молчал. Я больше никому не буду помогать.

– Не, Кир, там ещё Гусев интересовался, есть ли у нас проверенный помощник. Я пока не говорил ему.

– Нет, я не успею.

– Он не будет париться из-за сроков. Он вечно всё сдаёт с опозданием.

Тишина. Лена затаила дыхание вслушиваясь в неуверенный и тихий голос Киры:

– Я не обещаю. Я, честно говоря, уже устала... не знаю.

– Да что ты ломаешься? Он свой парень. Надо помочь ему. Ну?

– Ладно, узнай его тему и скажи мне, – она сделала паузу. – Но это не окончательное моё согласие! И ещё раз обращаю внимание: никому ни слова! Если кто-то узнает, проблем огребём выше крыши.

– Все свои, не волнуйся. – Голос Димы удалялся.

Дверь внизу снова хлопнула и всё стихло. Лена медленно выдохнула и посмотрела на Славу и сладко улыбнулась.

– Ты вообще понял, что сейчас произошло? – Лена сверкнула глазами. – Жилина торгует курсовыми. И это наша староста!

– Мне плевать.

– А вот мне – нет! Она заняла... твоё место, – она чуть не произнесла «моё место», но вовремя осеклась, – ты не хочешь отыгаться?

Слава нахмурился. Ему совсем не нравился этот разговор. Он хотел только одного: вернуться к тому, что они делали пять минут назад. К губам Лены, к её рукам. А не к этой дурацкой политике.

– Мне искренне наплевать. А ты, мне кажется, слишком завидуешь ей. Хочешь быть на её месте, да?

– Заткнись. – Лена достала телефон и села на ступеньку.

– И что ты собралась делать? – он уселся рядом.

– Сейчас создам фейковую почту и скину анонимку в деканат. – Лена уже открывала браузер. – Кто там был? Жилина, Ермолаев, Гусев и, судя по голосу, наш дорогой Дима. Сколько он сказал: пять тысяч за всё или за каждую работу?

Слава неопределённо пожал плечами, не глядя на неё.

– Напишем пять за каждую.

– Прекрати, Лен. Они же наши друзья.

– Даже не подумаю. – Она усмехнулась. – Не переживай, ничего им не будет. Ну, вынесут предупреждение Жилиной. Это максимум. Но с поста старосты выкинут. Немного нервы ей потреплют. Расслабься и повеселись.

Слава не выдержал, выхватил телефон у неё из рук.

– Ты совсем обалдел?

– Мне не нравится эта идея.

– Немедленно верни телефон!

Они вскочили одновременно и замерли друг напротив друга. Через несколько секунд Лена сделала вид, что сдалась и посмотрела на него с улыбкой, от которой у Славы всегда

подкашивались колени. Она шагнула вплотную, обняла его одной рукой за шею, второй начала гладить его по бедру, медленно приближаясь к внутренней стороне, попутно целуя его. Она что-то прошептала ему на ухо и через пятнадцать секунд ласк Слава уже забыл, о чём они спорили.

Лена дождалась момента, когда его хватка ослабла, выдернула телефон и резко отступила.

– Ну и вали теперь отсюда.

– Ну Лена... – простонал он.

– Не сейчас. – Она спрятала телефон в карман. – Если хочешь продолжения, оставь меня сейчас. После пар встретимся у тебя в машине.

Слава посмотрел на неё. В глазах у неё горел азарт, и он понимал, что сейчас её не переубедить. Он медленно развернулся и пошёл вниз по лестнице, а Лена вновь села на ступеньку, уткнувшись в телефон.

– Ты опоздаешь на практикум, – он сделал ещё одну попытку остановить её.

– Оно того стоит! Я вообще на него не пойду, – отрезала Лена, не поднимая головы.

Он вздохнул и вышел в коридор.

Ступенька, на которой она сидела, была холодной и неудобной, она вскочила и уставилась на лестницу невидящим взглядом. Слова Дементьева засели в голове, заставив задуматься: а не перегибает ли она? Может, шутка выходит слишком жёсткой?

Но соблазн использовать этот случай был слишком велик. Дождавшись начала пары, когда коридоры опустеют, Лена спустилась в гардероб, накинула куртку и вышла на улицу, направляясь в кафе. Туда, где можно спокойно в комфорте всё доделать. Примерно на полпути ей на глаза попала новенькая, блестящая и кричащая новизной машина Дины, которая была припаркована так, что глаз радовался: прямо перед пешеходным переходом, внаглую, с колесом на тротуаре.

– Какая красота, – прошептала Лена, отступила на пару шагов в сторону и щёлкнула пару кадров телефоном.

Она уже прикидывала, какой едкий комментарий приписать к фото в чате группы, но тут налетел резкий порыв ветра, заставив её вздрогнуть от холода и отложить эту мысль на время.

Сидя за столиком в кафе, она продолжила писать докладную. В поле получателя письма она вбила адрес секретаря декана, найдя его на сайте в контактах. Затем, задержав дыхание, набрала тему: «Незаконная коммерческая деятельность в ваших стенах». Подумала и крупно дописала: «СРОЧНО!». Всё. Обратного пути нет. Лена смотрела на экран, чувствуя, как внутри поднимается знакомый азарт. Остаётся только нажать «отправить» и ждать.

До конца учебного дня оставалась всего одна пара – лекция в большой аудитории-амфитеатре на весь поток. Кира с Диной пришли пораньше, заняли места во втором ряду недалеко от прохода и расслабились.

Большой перерыв они решили провести в тепле: толкаться в переполненных кафе и столовых не хотелось, гулять на улице тоже. Достали шоколадки, но только развернули, как у Киры в кармане зажужжал телефон.

– Кто бы это мог быть? – удивилась она, глянув на незнакомый номер и, подумав секунду сбросила вызов.

Но через мгновение телефон снова зазвонил и на этот раз Кира ответила.

– Жилина, срочно подойди в деканат! – раздался в трубке резкий знакомый голос.

– Здравствуйте, Евгений Геннадьевич. Это что-то срочное? У меня через пятнадцать минут пара начинается.

– Жилина, ты что, думаешь, я расписание не знаю? Раз звоню – значит, срочно. Если поторопишься, успеешь вернуться до начала пары. Давай, бегом.

– Хорошо, бегу.

Кира, не выпуская телефон из рук, посмотрела на подругу и, промедлив в нерешительности пару мгновений, всё же обратилась к ней:

– Дин, меня Евгенадич вызывает зачем-то срочно. Ты здесь будешь? Никуда не уйдёшь?

– Конечно. А что случилось?

– Если бы я знала. Я быстренько сбегаю, придержи мне место, присмотри за вещами. –

Кира развернулась и зашагала к выходу, лавируя между креслами.

В это самое время в вестибюле у гардероба, как всегда, толпились студенты. Лена, оценив длину очереди, не снимая куртку, направила мимо. Стоять и ждать, толкаясь локтями ниже её достоинства. Она шла по коридору, всё ещё прокручивая в голове ссору со Славой. Он до сих пор с ней не разговаривал, не написал и не позвонил и это бесило больше всего. Мысли о нём так захватили её, что у дверей аудитории она чуть не врезалась в Жилину.

Извернувшись, чтобы даже случайно не задеть друг друга плечом, девушки разошлись в разные стороны.

Лена окинула её взглядом, заметила встревоженное лицо и улыбнулась, она предполагала, что анонимное письмо уже изучили и сейчас Жилина спешит на свою собственную казнь в деканат. Она довольно встряхнула голову, вздёрнув подбородок и зашла в аудиторию.

В аудитории, как всегда, шумели. Никто даже не посмотрел в её сторону. Лена неспешно поднялась по ступеням амфитеатра, выбирая место, когда заметила Дину. И тут же вспомнила про фотографию машины. Время пришло. Воинствующее настроение требовало подпитки, а что может быть лучше маленькой пакости?

В общий чат писать она передумала, слишком примитивно. Вместо этого открыла чат с нейросетью и набрала: «Обработай фото машины, будто её увозят на эвакуаторе».

Через пару минут Лена разглядывала результат, довольно и злорадно улыбаясь. Она отправила фото в личные сообщения Дины и замерла, наблюдая с верхнего ряда, за реакцией.

– Вот чёрт! Нет, нет, нет!

Дина вскочила так резко, что сиденье кресла, откинувшись назад, ударилось с грохотом. Девушка пулей вылетела из аудитории. Лена проводила её взглядом, чувствуя, как внутри разливается тёплое удовольствие. До пары оставалось чуть больше десяти минут.

Она отложила телефон и огляделась. Славка отсутствовал. Скучающим взглядом она скользила по рядам и вдруг заметила вещи Жилиной. Оставленная без присмотра сумка, чуть приоткрытая, стояла на откидном кресле.

Синицина быстро оценила обстановку: кто-то болтал, кто-то спал, скрючившись над партой, большинство уткнулись в телефоны. Никто ни на кого не смотрел. Она медленно, беззвучно поднялась, прихватила куртку и спустилась на несколько ступенек вниз.

Она действовала как профессионал: спокойно, без лишних движений, протиснулась на их ряд, села рядом с сумкой Киры, бросив на неё сверху пуховик. Оглянувшись украдкой на аудиторию, удостоверилась, что всё спокойно. Через минуту Лена поднялась, схватив в охапку куртку вместе с сумкой, и плавно, не меняя ритма, спустилась вниз и вышла.

В коридоре она не ускорила, шла размеренно, с лёгкой скукой на лице. За две минуты она добралась до чёрной лестницы, бросила быстрый взгляд через плечо, бесшумно открыла дверь и скрылась за ней. Спустилась на первый этаж быстро, но тихо, как кошка, и оказалась во внутреннем дворике, продуваемом насквозь холодным ветром.

Лена на ходу оделась, припрятав сумку под мышкой и направила к дурно пахнущим мусорным бакам. Одним пальцем, сморщив брезгливо нос, приоткрыла крышку крайнего, тут же закинула сумку внутрь и всё. Никаких следов.

Она уходила не оглядываясь, но подниматься в аудиторию решила другим путём, и через противоположную дверь в чёрном коридоре, попала сразу к гардеробной. Минувя толпу, она уверенными шагами дошла до главной лестницы.

Лена вернулась в аудиторию и с удивительным хладнокровием заняла своё место, взглянула на часы: она отсутствовала около семи минут. Никто не заметил, как она покинула аудиторию и пришла обратно. Ни Жилина ни Дина к началу пары не появились.

Кира остановилась перед дверью деканата, поправила одежду и волосы, смахнув их с плеч на спину, и постучала. В голове она прокручивала не столько слова Евгения Геннадьевича, сколько их интонацию. Таким голосом не вызывают, чтобы похвалить.

Секретарь подняла голову и с явным любопытством осмотрела её с ног до головы.

– Жилина?

– Да.

– Заходи. – Женщина едва заметно кивнула в сторону кабинета. – Тебя ждут.

Кира провела ладонями по бокам юбки, постучала и шагнула внутрь, стараясь закрыть её как можно тише.

В тихом просторном кабинете с двумя высокими окнами, прямо напротив входа за огромным столом восседала Ольга Викторовна. Евгений Геннадьевич стоял позади неё, отвернувшись к окну. На её появление он не отреагировал, лишь слегка повернул голову через плечо.

– Ага. Вот и ты, – голос Ольги Викторовны тоже прозвучал недружелюбно. Садись.

Кира выдержала паузу, стараясь не смотреть в сторону Шнайдера. Сохранять спокойствие – вот что сейчас было важнее всего.

– Здравствуйте.

– До нас дошла информация, что ты развела здесь коммерческую деятельность.

Ольга Викторовна неторопливо повертела в руках какой-то распечатанный лист. Сняла очки и положила их на стол, молча всматриваясь в лицо Киры. Тишина становилась тягостной и неприятной.

– На данный момент нам известно о нескольких работах. – Ольга Викторовна говорила медленно, растягивая слова. – Курсовые для Дмитрия Гущина и Ермолаева. Рефераты. Стоимость каждой – пять тысяч рублей. – Она подняла глаза на Киру. – Что ещё я упустила?

Кира с трудом сохраняла спокойствие, впиваясь под столом пальцами в край юбки. Она отрицательно качнула головой, делая вид, что слышит всё это впервые.

– Хочешь сказать, ты не делала эти работы?

Повисла пауза. Ольга Викторовна отвлеклась на телефон, и Кира мгновенно перевела взгляд на Евгения Геннадьевича. Тот едва заметно, одним движением глаз, дал знак. «Нет».

– Нет. Я не знаю, о чём идёт речь.

Слова прозвучали ровно, но врат в присутствии Шнайдера оказалось тяжелее, чем она могла подумать.

Евгений Геннадьевич не дал Ольге Викторовне опомниться и сам обратился к Кире:

– Ты в курсе последствий, если мы *сможем* доказать обман? – он сделал акцент на слове и смотрел ей прямо в глаза.

– В полной мере.

– Если мы найдём... хоть одно доказательство...

Их взгляды снова встретились. Он смотрел так, словно вкладывал в этот взгляд что-то большее. Кира поняла.

– Я ничего никому не делала и тем более не продавала.

Евгений Геннадьевич, всё так же стоявший чуть позади, медленно моргнул, дав ей молчаливый знак согласия. Затем, засунув руки в карманы, отошёл к дальнему окну, словно отстраняясь от разговора.

– И всё же. Ты должна понимать, – голос Ольги Викторовны звенел от возмущения, – тебя ждёт отчисление. А твоих заказчиков предупреждение с занесением в личное дело.

– Ольга Викторовна, зачем нагнетать? В конце концов мы ещё ничего не...

– Евгений Геннадьевич! – женщина повысила голос. – Она должна понимать, что выбрала специализацию с направленностью работы в государственных силовых структурах. И если она ещё на стадии обучения нарушает академическую этику и занимается нарушениями, то кто захочет брать специалиста с таким личным делом на работу. Это всё равно, что взятки брать.

Она выдержала паузу и продолжила ледяным тоном, обращаясь уже к Кире:

– Подумай, ради чего ты рискуешь пятью годами учёбы? Будущей профессией? – она почти кричала. – Ради чего? Ты, которая претендуешь на красный диплом! А Гуцин? Вам что, некуда деть свои знания?

Евгений Геннадьевич вышел вперёд, остановился напротив стола и заговорил спокойно, но с железной ноткой в голосе, глядя куда-то в пол:

– Ольга Викторовна, Жилина – одна из лучших на потоке. Я видел её работы. Уровень очень достойный. Она не ленивая, не бестолковая, не прогульщица. Возможно, ошиблась. Но это ещё нужно доказать.

Ольга Викторовна откинулась в кресле, сложила руки на груди:

– Евгений Геннадьевич, вы предлагаете мне закрыть глаза на нарушение устава за былые заслуги?

– Я предлагаю посмотреть на ситуацию шире. – Он выдержал паузу. – Во-первых, работы не были ещё сданы, я уточнил. Факта использования подложных работ в учебном процессе нет. Формально – назовём это покушением. А покушение, как вы знаете, даже в уголовном праве трактуется иначе.

– Вы собрались читать мне лекцию по Уголовному кодексу?

– Я напоминаю, – он позволил себе лёгкую улыбку, – что наша задача растить специалистов, а не рубить сплеча за первую ошибку. Гуцин и Ермолаев, как инициаторы, получают выговоры. Но если мы отчислим Жилину, мы потеряем толкового специалиста. Через год она уйдёт в коммерцию, и мы её не увидим. А могла бы работать в следствии, в МЧС. Там такие люди нужны.

Он замолчал, давая время ей всё обдумать, и добавил уже:

– У нас есть возможность закрыть это на уровне кафедры. Взыскание, отработка, обнуление работ, строгий выговор в личное дело... Без учёного совета. Без ректора. Она сделает выводы. Я за неё ручаюсь.

– Вы готовы взять на себя ответственность как научный руководитель? – Ольга Викторовна впиалась в него взглядом.

– Готов, – он говорил ни разу не взглянув на Киру.

Кира наблюдала за ними, за Шнайдером, который выглядел сейчас совсем другим – серьёзным и строгим, за Ольгой Викторовной, которая задумчиво барабанила идеальными ногтями по столешнице, принимая решение.

– Чтобы через месяц я увидела от вас статью в сборнике. Хорошую. Под отчёт. – Резко сменила она тему.

Она подняла трубку, и произнесла сухим, официальным тоном:

– Елена Михайловна? По поводу заявления на студентку Жилину... разобрались. Подлог не подтвердился, работы не были сданы... да, беру на контроль... спасибо.

Кира смотрела куда угодно, только не на Шнайдера. Взгляд гулял по стопкам бумаг, по корешкам книг, устремлялся в окно – лишь бы не выдать волнение.

– Ладно, Кира, иди, – сказал он.

Кира хотела исчезнуть мгновенно, выбежать из кабинета, но ноги были ватными. Она улыбнулась насколько смогла искренне и выдохнула:

– Спасибо. До свидания.

Покинув кабинет, она не сразу сообразила, что побежала не в ту сторону и, остановившись посреди коридора, застыла, прижимая к груди телефон. Мысли обрывками крутились в голове, не складываясь в единый поток. Что вообще сейчас произошло?

Она чувствовала благодарность к Шнайдеру, хоть и не верила по-настоящему, что её могли бы отчислить. Но строгий, ледяной голос Ольги Викторовны всё ещё звучал где-то в глубине головы, заставляя содрогаться. Шнайдер за неё вступался! Почему? Он выгораживал, подавал тайные сигналы... И что теперь будет дальше, после всего?

Шнайдер вышел следом за Киной, но она уже скрылась за углом.

С началом пары в коридорах наступила тишина. Звонить Диме и предупреждать о подставе не время. Первым делом надо было вернуться в аудиторию и попытаться собраться с мыслями.

Она бегом добралась до аудитории, постучала в дверь и вошла. Поднявшись к своему ряду, она прошла на место рядом с Диной, не сразу заметив, что что-то не так. Дина вцепилась ей в локоть. Глаза горели злостью.

– Ну и крыса эта Синицина, – прошептала она.

– Неожиданное для тебя умозаключение. Что она тебе сделала?

– Вот, смотри, – она протянула ей телефон с открытой фотографией машины.

– Она подрабатывает водителем эвакуатора? Увезла твою машину?

– Нет! Это шутка. Она обработала фотку и скинула мне. Я бегала на улицу проверить.

Машина на месте! Я вернулась за минуту до тебя и тоже опоздала на начало лекции.

Кира быстро оглядела аудиторию в поисках Синициной, но не нашла её.

– Главное, что с машиной всё нормально. Забудь. Дай мне пожалуйста, мои вещи. Куда ты их сунула?

Наступила тишина. Дина смотрела на неё чистым, открытым, по-детски недоумевающим взглядом. В нём читались удивление и испуг одновременно.

– У меня нет твоей сумки.

Лицо Киры моментально вспыхнуло, она оглянулась по сторонам, заглянула под стол. Пусто.

Не успев прийти в себя после деканата Кира тут же получила новый удар. Она снова и снова обводила взглядом аудиторию, надеясь, что кто-то подаст знак, улыбнётся, подмигнёт или махнёт рукой. Но нет. Все сидели со сосредоточенным видом, слушая лекцию, не замечая её. Возможно тот, кого она считала другом, сейчас наблюдает за ней украдкой и посмеивается.

Долгое время Кира сидела, уставившись в одну точку, размышляя как быть дальше. Лекция закончилась. Группы студентов незамедлительно повскакивали со своих мест. Все, кроме Киры. Она не шелохнулась и никак не реагировала на слёзные попытки подруги извиниться за рассеянность. Кира с трудом сдерживалась, чтобы не выместить на ней своё раздражение.

– Успокойся, – сказала Кира наконец, голосом жёстче, чем хотела. – Когда все выйдут, поможешь мне проверить каждый ряд. Надо заглянуть под каждый стол и стул.

– Хорошо.

– Набери Гущина. Пусть немедленно вернётся сюда.

Дима появился в дверях через пять минут. Кира бросилась к нему, перекрывая выход.

– Эта дурацкая шутка с сумкой твоих рук дело?

– Жилина, ты для этого меня звала? Я не понимаю о чём ты. – Он отступил на шаг, лицо вытянулось от удивления.

Он попытался обойти её, но она снова перегородила ему путь:

– Кому ты растрепал про курсовые?

Она впилась в него взглядом, сканируя каждое выражение и жест.

– Ну давай, напряги свои мозги, подумай, кому ты проболтался, что я делаю для некоторых работ?

– Ты про заказы? – голос его упал до шёпота. – Кира, я никому не говорил. Только утром забрал всё у тебя и всё. Даже с Гусевым ещё не общался.

– Кто-то слил всё Шнайдеру и Ольге Викторовне. Ваши работы, вероятно, аннулируют, он будет у тебя спрашивать, будь готов. Ты знаешь, кто мог...?

Но ответ в её голове уже возник прежде, чем она сформулировала вопрос до конца: он не знал, не был в курсе. Он так же удивлён и расстроен как она.

– Чёрт! – выругалась девушка и отвернулась от него, – я верну Ермолаеву деньги, но не сейчас...

– Да какие деньги, – отмахнулся он. – Так что ты говорила про сумку?

– Пропала. Украли...

Они стояли перед выходом втроём, когда в кабинет уже начали заходить студенты других потоков.

– Боже, что теперь делать? – прижимая руку ко рту ныла Дина.

– Дим, может сходить к ребятам, поспрашивать, может кто-то что-то видел?

– Не вопрос. Я наберу тебя.

– Кир... – жалобно позвала Дина.

– Ну чего ещё?

– Прости, пожалуйста, мне надо тоже бежать. У меня родители прилетают через час, мне надо их встретить, а пока я по пробкам из центра выберусь...

– Да, конечно. Передавай им привет от меня, – уже успокоившись ответила Кира.

– Ты позвони мне, как будут новости, – говорила она, уходя, – хотя нет, в любом случае набери меня! Хорошо, что телефон у тебя остался.

Кира улыбнулась одними уголками губ и кивнула. Она подошла к окну, бессмысленно блуждая взглядом по улице. На неё словно в один момент навалилась усталость прошедших дней, недосып и нервное напряжение.

Поразмыслив некоторое время, она побрела к охраннику, хотела попросить глянуть камеры, но тот даже на порог её не пустил:

– Иди пиши заявление на имя ректора, – сказал ей мужчина, больше похожий на тюленя, чем на человека. И прежде, чем захлопнуть перед ней дверь добавил: – Если тут ко мне все студенты бегать будут! Сама-то подумай!

Идти ни к кому не хотелось, хватит с неё на сегодня общения с администрацией. Спустя почти час бесцельных шатаний по университету, она продолжала идти на автомате, не сильно задумываясь над маршрутом.

Миновав главный коридор, она свернула налево в сторону своей кафедры и так же не задерживаясь на ней, напрямик дошла до выхода на чёрную лестницу, любимое укромное место знающих студентов. Она поднялась до верхнего пятого этажа, в надежде, что никто здесь не объявится в ближайшее время, так как основная масса студентов уже закончила занятия. Она опустилась на пыльный подоконник, даже не заметив, что юбка теперь испачкана. Слёзы подступали к глазам, горло сжалось, дышать становилось всё труднее. Но она сжала зубы, только бы не заплакать.

Осознание всех неприятностей придавило её камнем: легкие не слушались и отказывались наполняться воздухом на полную. Пропавшая сумка, документы, ключи, кошелек... Это были не просто вещи, это часть её самой. Её свобода передвижения, её независимость, её способность самой решать, куда идти и что делать. К тому же она снова на нуле. Даже хуже, чем на нуле. Она намерена вернуть всё, что взяла у Ермолаева, любой ценой.

Мучительная мысль, что это сделал кто-то из своих, из ближнего круга, не отпускала и даже усугубляла ощущение одиночества и опустошения на грани с физической болью, будто только что закончила бежать марафон и теперь все тело налилось свинцовой усталостью.

Кира в который раз ругала себя за собственную наивность и беспечность, снова и снова перебирала ошибки, совершенные в последние дни. И чем дольше перебирала, тем сильнее расстраивалась. Всё вокруг рассыпалось, земля уходила из-под ног, как зыбкий песок.

Надо было что-то делать, идти на кафедру, просить секретаря оформить временный пропуск, объяснять, оправдываться... Мысль об этом вызывала тошноту, поэтому она сидела и тянула время. После разговора в деканате, она не была готова смотреть в глаза Евгению Геннадьевичу. Ей не хотелось ничего: ни его вопросов, ни собственных ответов, а уже тем более вранья. Она и так уже была у него в должниках. Просить о помощи снова? Только не после этого кошмара в деканате!

Где-то внизу хлопнула дверь. На два или три этажа ниже. Кира вздрогнула, наспех вытерла щёки и замерла, прислушиваясь. Шаги. Двое. Они поднимались, переговариваясь вполголоса.

Только не сюда, – взмолилась она про себя, закрывая глаза. Пожалуйста, сверните на третьем. Или на четвёртом. Куда угодно, только бы не на пятый!

Но шаги приближались. Кира сидела не двигаясь, отвернувшись к окну, спрятав лицо. Может, они пройдут мимо и не обратят внимание? Не остановятся? Кира замерла, предчувствуя худшее.

– Жилина?

Она вздрогнула так сильно, что чуть не соскользнула с подоконника. Она узнала голос. Лицо моментально начало гореть. Кира сделала глубокий, порывистый вдох, словно перед прыжком в воду, и медленно повернулась, но глаза так и не подняла, смотрела куда-то в район пуговиц его пиджака.

– Да, Евгений Геннадьевич.

– Олег Андреевич, вы идите, я вас догоню, – обратился Шнайдер к коллеге.

Он дождался, пока шаги не стихнут за дверью и только тогда подошёл ближе к ней, засунув руки в карманы брюк.

– Ты чего здесь сидишь?

– Отдыхаю, – с лёгким раздражением сказала она и снова отвернулась: ведь и так понятно, что она здесь прячется.

– Мешаю?

Кира не ответила, уже стыдясь за свой грубый ответ.

– Всё ещё переживаешь из-за разговора? – его голос звучал тихо, но в нём чувствовалась мягкость.

– Нет, – она уставилась вниз, на пустой двор.

– Я сделаю всё возможное, чтобы замять эту ситуацию, – сказал он спокойно. – Не кисни. Нечего тут сидеть, езжай домой.

Кира кивнула, не оборачиваясь, чувствуя, что разговор ещё не закончен, а ей хотелось остаться одной, но он не уходил. Молчание затягивалось. Потом он медленно шагнул к окну, оперся плечом о стену и наклонил голову, пытаясь заглянуть ей в лицо.

– Выбрось из головы свой синдром отличницы, – не унимался он. – С кем не бывает.

– Да всё нормально, – Кира дёрнула уголок губ – то ли улыбнулась, то ли поморщилась и шмыгнула носом. – Это не при чём.

– Что-то ещё случилось?

Кира молчала. Ей не хотелось говорить. Но на самом деле, поняла она, это удобный момент решить хоть одну проблему, и набрав воздуха в лёгкие, выпалила:

– На самом деле да, кое-что ещё случилось и мне опять нужна помощь. Как мне побыстрому оформить временный пропуск?

Евгений Геннадьевич нахмурился. Секунду он просто смотрел на неё, пытаясь понять, к чему этот вопрос.

- А что случилось с твоим?
- Исчез... По всей видимости, украли.

Их взгляды наконец встретились.

– Так, – Евгений Геннадьевич резко выпрямился. – Вставай. Пойдём ко мне, и там ты мне всё расскажешь.

Он решительно шагнул к ней, схватил за локоть и буквально стащил с подоконника. Кира едва успела спрыгнуть, как он уже тянул её вниз по лестнице. Он не проронил больше ни слова и даже не посмотрел на неё, но руку ещё долго не отпускал.

В подсобке он жестом указал на своё кресло, а сам устроился на подоконнике, сложив руки на груди. Стол Чернова пустовал. Кира не села, зашла за кресло и вцепилась пальцами в спинку.

- Слушаю, – сказал он, выжидающе глядя на неё.

– После нашего разговора в кабинете у Ольги Викторовны, я вернулась в аудиторию, опоздав буквально на несколько минут.

- И?

– И моих вещей там уже не было. – Спокойно закончила она.

- Вытащили из сумки?

– Нет. – Кира покачала головой. – Сумка исчезла полностью.

- Может, ты ошиблась? Села не на тот ряд?

Она вскинула голову, не скрывая раздражения:

– За кого вы меня принимаете? Я не ошиблась. Вещи Дины были на месте. Исчезла только моя сумка. После лекции мы всё обыскали. Под каждым столом, за батареями, даже мусорные корзины проверили...

- А подруга что говорит?

Кира отвела взгляд:

- Ей пришлось... в общем, она тоже выходила. Она ничего не знает.

- В аудитории были только свои?

– Получается, что так. – Она горько усмехнулась. – И это самое обидное.

- К охране обращалась? Камеры смотрела?

– Пыталась, но он меня даже на порог не пустил. Видимо, очень занят, – с издёвкой в голосе пояснила Кира.

Евгений Геннадьевич бросил взгляд на часы, что-то прикинул и быстро набрал сообщение в телефоне.

– Надо поторопиться. С пропуском должны успеть. – Он поднялся. – А теперь пойдём вместе к охране. Что ещё было в сумке?

- Всё, – выдохнула Кира.

- Конкретнее.

– Документы, деньги, карты, ключи от дома, проездной... – она помолчала. – И ваши лекции, кстати, тоже.

– Лекции восстановишь быстро. – Он говорил деловито, но в голосе почувствовался знакомый задор. – За несколько дней перепишешь с моих материалов. После пар будешь приходить.

– Я не хочу вас напрягать. – Кира смутилась. – Я могу просто сфотографировать и дома переписать.

– Можно и так. – Он усмехнулся, посмотрел на неё и через секунду добавил тише, выделяя каждое предложение: – но это слишком просто. Может, я хочу видеть твои страдания. Чтобы ты помучалась, как я сегодня в деканате, заступаясь за тебя.

Кира опустила глаза, не понимая, шутит он или нет.

Душный воздух каморки охранника пропитался сладковатым запахом растворимого кофе и сигарет. Кира стояла за спиной охранника, но смотрела не на экран, а на сосредоточенное лицо Евгения Геннадьевича. Тот, прищурившись, вглядывался в монитор.

– Нам нужна камера коридора второго этажа, – сказал он. – С обзором на 219-ю.

– Время какое? – спросил охранник, не оборачиваясь.

– С 14:15 до 14:35, – подала голос Кира.

– Подождите пару минут.

Охранник ссутулился, прищурился, быстро пробегая пальцами по клавишам клавиатуры.

– А я давно говорил начальству, – пробурчал он, – пора камеры во всех кабинетах ставить! Сразу бы меньше жалоб стало! – Он ткнул пальцем в экран. – Вот, смотрите.

Кира и Евгений Геннадьевич склонились над столом по обе стороны от охранника.

– Качество отвратительное, – поморщилась Кира. – А камеры поближе нет?

– Нет, – охранник развёл руками. – Только по одной с каждого края коридора.

– Жаль.

Они смотрели слегка ускоренную запись пару минут.

– Все только входят, никого нет выходящих... – разочарованно протянул охранник.

– Вот, смотрите! – Кира резко ткнула пальцем в экран, заставив обоих мужчин вздрогнуть.

Они напряжённо вглядывались в зернистое изображение, но Кира уже узнала фигуру мгновенно. Слишком знакомые очертания, слишком характерная походка.

– Это Синицина? – спросил Евгений Геннадьевич, всё ещё не уверенный из-за плохого качества.

– Да, – коротко ответила Кира.

– Что у неё в руках?

– Похоже на скомканную куртку... – Кира всматривалась. – Больше ничего не разобрать.

Прокрутите ещё раз, пожалуйста.

Шнайдер помолчал, потом спросил осторожно:

– Могла ли это быть она? Как у вас с ней отношения?

Кира усмехнулась безрадостно:

– Как у одинаково заряженных полюсов магнита.

Он удивлённо посмотрел на неё и снова повернулся к экрану.

Кира погрузилась в воспоминания. Когда-то Ленка была её подругой, ещё на первом курсе. Но дружба долго не продержалась. В них обеих откуда-то взялась конкуренция. Во всём, без преувеличения. Сначала это забавляло: чья курсовая будет признана лучшей, кого похвалит любимый преподаватель, кто получит больше зачётов автоматом, кто лучше сдаст сессию. Безобидные соревнования, игра, подстёгивающая обеих. Но постепенно правила менялись, и игра подавила дружбу.

По некоторым предметам они шли нога в ногу: одинаковый успех, равное количество баллов, обе получали «автомат». Но Кира шла дальше: являлась на пересдачу, отказывалась от готовой оценки и выбивала лучший результат. А потом с видом полной небрежности, роняла фразу подруге: «Ну ты тоже большая молодец». И эти слова, сказанные якобы с похвалой, раздражали Ленку невероятно.

Со временем конкуренция переползла из учёбы в личную жизнь. Кира стала встречаться с парнем, по которому сохла Лена, увела у неё из-под носа. Правда, встретившись с ним несколько раз, сама же его и бросила. Но Лена даже после этого не смогла сойтись с ним. Она страдала долго, мучительно, затаив злобу. И при каждом удобном случае выкидывала мстительные шутки, иногда настолько колкие, что они балансировали на грани откровенных оскорблений. Кира же делала вид, что не замечает ни шуток, ни самой Лены. Она просто отстранилась и пошла дальше, подружившись с Диной.

Кира не сразу поняла, что она и Шнайдер уже долгое время смотрят друг другу в глаза.
– Ладно, – наконец произнёс он, поворачиваясь к охраннику. – Скинь мне этот кусок видео. На всякий случай.

Они медленно шли по коридору рядом, почти плечом к плечу. В порыве благодарности, она подняла голову, но встретив его лукавую и довольную улыбку, смутилась и промолчала.

– М-да, Жилина, проблем у тебя хватает, – задумчиво протянул Евгений Геннадьевич.
– Но кое-что я могу для тебя сделать.

Он взглянул на часы. Стрелки подбирались к семи.

– Думаю, твой пропуск уже у меня на столе.

Он отворил дверь 320 аудитории и пропустил её вперёд. Кира шагнула через порог и сразу остановилась, отступая в сторону, ей не хотелось заходить с ним дальше. Евгений Геннадьевич не включил свет, дошёл до подсобки и оглянулся на неё, задержал взгляд на секунду и молча скрылся внутри.

Кира погрузилась в мысли. В её жизни ещё не было дня, когда столько проблем навалилось на неё разом. Мир стал чужим, незнакомым и непонятным. Она вздохнула и прикрыла глаза, откидываясь спиной на стену.

Кира медленно открыла глаза. В этот момент все звуки вокруг стихли. Наступила какая-то особенная тишина, когда любой появившийся шорох становится слишком резким и громким. Спустя долгую минуту Шнайдер вышел, держа между указательным и средним пальцами временный бумажный пропуск. Каждый его шаг отзывался гулким эхом. Он медленно приближался, не произнося ни слова и остановился напротив Киры, буквально в шаге от неё, заслонив тусклый свет, льющийся из окон. Он молчал.

– Спасибо, – тихо сказала Кира. Она все ещё стояла у стены, упираясь на неё спиной, но при его приближении непроизвольно выпрямилась. – Не знаю, чтобы я без вас делала.

Он улыбнулся, но глаза оставались серьёзными. Он смотрел на неё в упор и Кира чувствовала, как под этим взглядом становится не по себе. Она потянулась за пропуском, но он лёгким движением убрал руку в сторону и приблизился к ней практически вплотную. Он пытливо смотрел на неё сверху вниз.

Кира замерла. Подняла глаза, в которых читались тревога и недоумение.

– Запомни, – сказал он шепотом. – Больше никакой незаконной коммерческой деятельности в этих стенах. Я за тебя поручился. И теперь я твой научный руководитель.

Кира не отвела взгляда и очень медленно кивнула.

Он аккуратно вложил пропуск ей в ладонь, но не отпускал его. Время словно остановилось. Шнайдер медленно опустил взгляд к губам, затем к ключицам и вновь вернулся к глазам.

– Умница, – прошептал он.

Кира сжала пропуск, но руку тоже не убирала, проверяя, не отберёт ли он его снова. Ей показалось, что он хочет что-то сделать, но в последний момент передумал и отстранился:

– Я помогу замять историю, восстановить репутацию. Но для этого тебе придётся поработать на благо кафедры. Решу пару вопросов и напишу тебе, когда надо будет явиться на исправительные работы, будешь писать статью за меня. – Евгений Геннадьевич говорил спокойно, даже равнодушно, удалясь в подсобку. – А завтра после пар жду тебя здесь, будешь восстанавливать конспект.

Он оглянулся на неё и Кира ему кивнула, развернулась к двери и вдруг остановилась.

– Ну что ещё? – спросил он устало.

Кира замялась, слова давались с трудом.

– Мне неловко, но...

– Да говори уже, Жилина.

– Мне надо вновь попросить вас о помощи. – Она подняла на него глаза, – необходимо воспользоваться вашим авторитетом, выбить моё пальто у гардеробного генералиссимуса. Она мне его добровольно не отдаст, а номерок исчез вместе с сумкой.

Она тут же отвела взгляд, не могла смотреть на его лицо. Знала, что там сейчас эта улыбка – самодовольная, насмешливая. Он слишком явно упивался её беспомощностью.

– Ох, Жилина, – протянул он с ленивой усмешкой. – Сколько проблем от тебя. Идём.

Он кивнул к выходу, и Кира двинулась следом.

Анна Ивановна, грузная женщина с вечно недовольным лицом, даже не дослушала их просьбу. Она устала на Киру поверх очков:

– А с чего это я должна вам его отдавать? Пальто ваше..., – Анна Ивановна упёрла руки в боки. – А кто штраф за казённую вещь платить будет? За номерок утерянный? А? Я что ли из своей пенсии?

– Не ругайся, Анна Ивановна, – примирительно сказал Евгений Геннадьевич. – Говори, сколько должны?

– Двести рублей! – отрезала она и ткнула пальцем в объявление на стене, – и без сдачи!

Кира, стоявшая чуть позади, обречённо выдохнула:

– А можно перевести?

– Ага, конечно. – Гардеробщица скрестила руки на груди. – Валюту тоже принимаю. – Она помолчала секунду. – Нет, конечно!

Евгений Геннадьевич покачал головой, но в глазах его плясали искорки.

– Да, строгая ты у нас... – усмехнулся он, достал бумажник и отсчитал две купюры. – Держи.

Он положил деньги на стойку и уже развернулся, собираясь уйти.

– Спасибо вам большое! – крикнула ему в спину Кира, – С меня завтра кофе.

– Я люблю чёрный с двойным сахаром. – Ответил он, не оборачиваясь.

Кира слышала по голосу, что он улыбается и она тоже невольно улыбнулась. Адреналин схлынул и на первый взгляд всё складывалось терпимо. Она выкрутилась. Отделалась лёгким испугом и небольшим ущербом. Пропуск, хоть и временный, в руке, конспекты восстановит.

Но стоило ей выйти на улицу и плотнуть свежего вечернего воздуха, как внутри засело холодное, тревожное ощущение. «Шнайдер всё просчитал. Предложил помощь так, что я сама должна была с радостью согласиться. И соглашусь. Потому что других вариантов ноль. Идти против того, кто не просто даёт советы, а реально помогает – глупо. Надо попробовать обратить эту «подработку» со статьёй в свою пользу. Хуже, чем сейчас, уже не будет».

Но почему тогда не покидает ощущение, что она только что шагнула в ловушку. И вернуться из неё будет уже не так просто.

4

Этим же вечером, вернувшись домой обессиленная, опустошённая, выжатая до дна Кира хотела только одного: смыть с себя этот день, завалиться в постель и не просыпаться как минимум сутки. А лучше – до самой весны. Но сначала предстояло взломать замок в съёмной комнате. К её удивлению, сосед справился с этим настолько быстро, что можно возникло предположение: для него это привычная, ежедневная рутина.

Она перекусила наспех, выпила чашку обжигающе горячего чая, сходила в душ и вернулась в комнату, уже на ходу стягивая с волос мокрое, тяжёлое полотенце. Не глядя, бросила его на спинку стула. Полотенце сползло и упало на пол, но ей было всё равно. Она просто рухнула лицом вниз на свою старенькую, скрипучую, узкую кровать. У неё не осталось сил ни на что, даже на то, чтобы натянуть на себя одеяло.

И вдруг, словно её кто-то толкнул, Кира резко присела и посмотрела на часы. Ещё не поздно! Она вскочила, оглядываясь по сторонам в поисках сумки.

– Чёрт, забыла... – сказала она сама себе и вытащила из кармана пальто телефон.

Не прошло и трёх гудков, как ей ответили:

– Да, Кира! Рад тебя слышать! – голос Саши звучал так, будто он ждал этого звонка весь день.

– Привет. – Кира прикрыла дверь своей комнаты плотнее и прижалась плечом к стене.

– Я согласна. Я приеду.

– Ты только что сделала меня счастливым!

– Надеюсь, нас не слышит твоя девушка.

Саша громко и заразительно, от души рассмеялся.

– Да, выглядит двусмысленно. – Он всё ещё посмеивался. – Представляю, что бы она подумала.

– Саш, но я сразу должна тебя предупредить! – Кира говорила быстро, чтобы не передумать. – Я не провидец.

– Я всё равно согласен, – перебил он. – Встреча назначена на послезавтра, на шесть вечера. Успеешь?

«Послезавтра в шесть! Вероятно, в это время ей следует быть у Шнайдера, вряд ли она успеет закончить с конспектами за один вечер. Как-нибудь выкручусь!» Кира закрыла глаза и запрокинула голову.

– Да, я приеду, – сказала она ровно.

– Я закажу тебе такси.

– Не стоит. – Она открыла глаза. – Я буду в центре, поеду сразу после занятий.

– Договорились. Я сейчас скину тебе все адреса и явки-пароли, до встречи!

– Пока. – Кира отбросила телефон в сторону, теперь точно всё на сегодня.

На следующий день, после окончания пар, Кира проводила своих друзей до выхода из университета и взглянула на часы: 17.20. Домой ехать еще не время. Надо возвращать долги.

Когда Дина с Гуциным скрылись из виду, она побежала в кофейню и заказала кофе для Шнайдера, но подумав немного, заказала и себе и быстрым шагом вернулась на кафедру. 320 аудитория и подсобка были пусты, на что она в тайне очень надеялась. Ей не хотелось оставаться наедине с Черновым, поскольку в последнее время каждый их разговор превращался в словесную дуэль, но и с Евгением Геннадьевичем наедине тоже неловко.

В руках она сжимала пакет из кофейни, в котором были бережно завернуты в шарф два стаканчика кофе, купленные практически на последние деньги. Она хотела, чтобы кофе оставался максимально горячим.

Дверь подсобки была слегка приоткрыта, свет выключен, но Кира всё равно тихонько постучала. Тишина. Она заглянула, шагнула внутрь и огляделась. Она знала, что ей здесь не место, что надо выйти и ждать в аудитории. Но ноги не слушались. Сובлазн осмотреть всё был слишком велик. В прошлый раз она была так взволнована, что не видела ничего, кроме лиц Чернова и Шнайдера. Сейчас никто не смотрел на неё, и она могла изучить то, что ускользнуло тогда.

Все полки в шкафах были заставлены папками с документами и книгами, а на полу, тут и там, стояли коробки наполненные, как показалось Кире на первый взгляд, всяким барахлом. Они стояли повсюду, загромождая проход и пространство под обоими столами.

Кира аккуратно поставила пакет и вытащила стаканчик, поставив его на самый край стола. Немного подумав, она пододвинула его ближе к ноутбуку и положила рядом два пакетика сахара.

Кира принялась рассматривать его стол. Закрытый ноутбук, папки с бумагами, брошенная ручка, хотя подстаканник для ручек стоял тут же, пустой. Бутылка воды... Здесь царил лёгкий беспорядок, как у человека, который много работает. Она невольно сравнила его со столом Чернова. Тот стол был абсолютно пустым. Только светильник.

Она повернулась к стеллажам. Книги по психологии, по управлению, несколько детективов на английском. Папки с чёткими надписями: «Отчёты», «Студенты», «Конференции». Всё по полочкам, аккуратно.

Кира задержала взгляд на одной из книг. Вытащила её, открыла на первой попавшейся странице. Что они читают? Что отмечают? Ей вдруг захотелось понять их через эти страницы.

– Интересно?

Кира вздрогнула так сильно, что едва не выронила книгу. Она захлопнула её и резко обернулась, чувствуя, как щёки заливаются краской.

Евгений Геннадьевич стоял в дверях, прислонившись к косяку, и смотрел на неё с нескрываемым любопытством и улыбкой. В руках у него была папка с бумагами.

– Я... – начала Кира. – Я принесла кофе. Вас не было, я ждала...

– И решила осмотреть наши владения? – он шагнул в комнату и прикрыл за собой дверь.

– Ну-у... – Кира опустила взгляд на коробки. – Тут явно есть на что посмотреть. Я пытаюсь разобраться: это организованное коллекционирование или хаотичное накопительство?

Он усмехнулся громче.

– Это, Жилина, временные неудобства, пока кабинет заведующего кафедрой ремонтируют.

Кира протиснулась между коробками, освобождая ему проход к столу.

– Очень мило с твоей стороны, – произнёс он и, беря стаканчик добавил, – и спасибо за кофе. Это именно то, что мне сейчас нужно.

Он ловко снял крышку и, не глядя, бросил её в мусорную корзину. Кира проследила за полётом и точным попаданием. Он быстро взглянул на неё, аккуратно опустошил первый пакетик сахара и тут же неспеша принялся за второй.

– Ты же не торопишься? – спросил он, помешивая кофе.

– Нет, ну что вы... – она слегка махнула рукой. – Мне всего-навсего надо восстановить лекции почти за два месяца. Не торопитесь.

Он усмехнулся, вытащил из ящика папку и протянул ей.

– Можешь расположиться в аудитории. Здесь, как видишь, обстановка не очень располагает.

Она села на своё привычное место, первое от стола преподавателя и начала писать. Прошло не менее часа, рука уже устала, но работа шла медленно. Она то и дело ловила себя том, что невольно прислушивается ко всему, что происходит в соседней комнате: как он быстро печатает, как разговаривает по телефону, как смеётся. И в момент, когда всё резко стихло, она насторожилась.

– Уже закончила? – раздался голос из-за стены.

– Думаю, да. На сегодня хватит.

Несколько секунд спустя он появился в дверях с задумчивым видом.

– Итак, тогда давай до твоего ухода немного поговорим о деле. – Он сел за преподавательский стол и откинулся на спинку стула. – Ты слышала, что за твою голову Ольга Викторовна потребовала от меня выкуп в виде статьи для ежегодного журнала?

Кира слушала, не поднимая глаз от конспекта. Она уже поняла, куда он клонит.

– Я буду благодарен за помощь, – продолжал он доверительным тоном. – Не только как преподаватель, но и просто как человек. Бумажная работа – не моя стихия.

Она медленно выпрямилась, но не отрывая взгляда от конспекта, и вдруг подняла указательный палец:

– Вы только что использовали целый кластер манипулятивных техник.

Он улыбался.

– Можно было бы обойтись и без этого, – сказала она уже спокойнее. – Вы и так прекрасно знаете, что я не могу просто посочувствовать вам и уйти. Я ваш должник.

Они изучающе смотрели друг на друга какое-то время.

– Договорились, больше не буду. – Он чуть подался вперёд. – Так ты согласна?

«Да где же я так согрешила... Можно подумать, у меня есть выбор!» – подумала она, и сказала:

– Да.

– Ну, тогда будем считать, что ты сама вызвалась быть добровольцем.

Он вернул себе прежнюю беззаботность и лёгкость. Придвинулся к столу, сложил руки, сцепив пальцы в замок, и его взгляд скользнул по её лицу опять чуть дольше, чем нужно.

– Тогда жду тебя завтра. Закончишь с конспектами и поговорим о статье. Я хочу, чтобы ты подготовила темы..., – он не успел закончить мысль.

– Что здесь происходит?

Голос Чернова заставил Киру и Евгения Геннадьевича обернуться одновременно. Роман Алексеевич стоял в дверях аудитории, не торопясь войти, и переводил взгляд с Киры на Шнайдера.

Через несколько мгновений напряжённого молчания Шнайдер выпрямился и спокойно ответил:

– Она восстанавливает утерянный комплект лекций.

– Почему именно здесь и сейчас? – Чернов сделал шаг в кабинет. – Не поздновато?

– Тебе тот же вопрос: не поздновато для прогулок по кафедре?

Мужчины смотрели друг на друга без улыбок.

– Почему не переписать их с конспектов одногруппников? – спросил Чернов, не сводя глаз с Киры.

Евгений Геннадьевич перевёл взгляд на девушку и улыбнулся хитрой улыбкой.

– Настоящий профессионал ценит первоисточник.

– ...Просто обычно все надеются на мои конспекты и потом списывают лекции у меня, – тихо сказала Кира, чувствуя, как воздух наэлектризовывается.

– Надеюсь, бесплатно? – Чернов слегка надменно усмехнулся.

Лицо Киры вспыхнуло. Она опустила глаза, стиснув зубы, и уставилась на свои руки, лежащие на столе.

Евгений Геннадьевич протянул руку в её сторону, положил ладонь совсем рядом с её пальцами и слегка постучал по столу.

– Роман Алексеевич пошутил, – сказал он тихо, только для неё.

Она вскочила так резко, что стул отъехал назад. Схватила сумку, тетрадь и вышла, не попрощавшись.

– Ну и болван же ты, Рома, – сказал он наконец, спустя минуту молчания.

– Ей нечего здесь делать в это время и тем более в компании с тобой. Наедине.

Кира почти бежала прочь и чувствовала, как обида подступает к горлу, сжимает его, не даёт вздохнуть. «Надеюсь, бесплатно» – какая дурацкая шутка! Грубая, несмешная, неприятная, недостойная его – да и кого угодно. И зачем Шнайдеру понадобилось ему всё рассказывать? Неужели Чернов всё знает о выговоре в деканате? Они говорили о ней?

В эту минуту она ненавидела их обоих, да и себя тоже за свою восприимчивость любой фразы от Чернова. Она сгорала от стыда, чувствуя, как противно холодеют пальцы. Если бы не субординация, она бы ему ответила. Вцепилась бы словами. Но нельзя!

Весь следующий день Кира играла в прятки. Она избегала коридоров, где могла бы встретить Шнайдера или Чернова. Она не хотела встречаться ни с тем, ни с другим и особенно с ними обоими одновременно.

Она поднималась по лестнице, планируя скоротать «окно» в библиотеке, когда услышала сверху смех Шнайдера.

Кира развернулась так резко, что едва не сбила какого-то парня, врезалась в него плечом, чуть не потеряв равновесие.

– Простите!

– Жилина! Как хорошо, что я тебя заметил, – тут же раздался его голос позади неё.

Она подняла голову. Евгений Геннадьевич смотрел на неё с неизменной коварной улыбкой, от которой у неё внутри всё замирало.

– А... здравствуйте, – выдавила она.

Он взял её за локоть, и она сквозь рубашку почувствовала, какие у него прохладные ладони. Он отвёл её в сторону от прохода, зажав в ловушке между плечом и стеной.

– Решил напомнить, что сегодня у нас запланирована работа над статьёй.

Он стоял так близко, что она чувствовала запах его парфюма. Ей пришлось смотреть в сторону, потому что смотреть на него снизу вверх слишком интимно.

Кира закусила верхнюю губу. Сказать? Не сказать? Если она сейчас скажет, что не может прийти, он спросит почему. А если спросит, придётся врать.

Она торопливо кивнула, надеясь, что он не заметит, как она хочет сбежать.

– Мой кабинет всё ещё на ремонте, но должны закончить в ближайшие выходные. Поэтому вновь жду в 320-й аудитории.

Его пальцы всё ещё сжимали её локоть без всякой необходимости этого. Кира стояла, чувствуя, как это прикосновение прожигает кожу, словно его энергия проникала в неё. Его пальцы на мгновение сжались чуть сильнее, и она непроизвольно подняла взгляд. Он смотрел на неё. А в следующую секунду уже отпустил и ушёл, даже не обернувшись.

– Вот же! – прошипела Кира себе под нос, чувствуя, как горит кожа на том месте, где он держал. Она развернулась и почти бегом вернулась на лестницу.

– Ну, где ты пропадала! – Дина сидела за столом, подперев подбородок рукой перед разбросанными учебниками.

– Меня Евгенадич задержал, – Кира села рядом. – Не успела смыться от него.

Дина зашлась в беззвучном смехе.

– Представляю, как ты на каблуках бегаешь!

– Если так продолжится, – Кира выдохнула, – мне придётся перейти на кроссовки.

Дина резко посерьёзнула.

– Что именно «продолжится»?

Кира вздохнула, достала бутылку с водой, сделала долгий глоток.

– Иногда мне кажется...

– Ну? – Дина пододвинулась ближе.

– Да нет. – Кира мотнула головой. – Забудь.

– Если сказала «а», говори и «б».

Кира откинулась на спинку стула, устремив куда-то в пространство задумчивый взгляд. Дина смотрела на неё в упор и не в силах ждать, поторопила подняв брови и дёрнув подбородком.

– Я не уверена до конца... Поэтому и не хочу говорить, чтобы не разносить пустые слухи и сплетни...

Дина замерла, не моргая, даже дышать, кажется, перестала.

– Не тяни! – выпалила она. – Ближе к делу!

– Иногда мне кажется... – Кира опустила глаза, делая вид, что хочет что-то найти в боковом кармашке сумки. – Что Евгенадич слишком близко ко мне подходит. Все эти... случайные касания, улыбки, шуточки...

– Серьёзно? – Дина подалась вперёд.

– Но самое глупое, – Кира заговорила быстрее, – что в один момент мне так кажется, а потом он резко отступает, как ни в чём не бывало. И я думаю, что всё сама себе надумала.

Я просто теряюсь, чувствую себя глупо. В итоге во время наших разговоров я больше ищу подтверждение или опровержение своим догадкам, чем слушаю его и в итоге пропускаю много важной информации.

Дина медленно поставила локоть на стол, подпёрла щеку ладонью. На её лице расцвела улыбка.

– Как романтично! – протянула она. – Он ведь тебе помог у Ольги Викторовны!

Кира состроила недовольную гримасу.

– Одной рукой помог, а второй наказал! – она вытащила телефон и запихала тут же обратно. – Хочет перевалить на меня свою работу! Применил грязный шантаж! Теперь вдобавок к своим проблемам, мне надо написать статью для журнала. Вот он и напоминал, что ждёт меня сегодня.

– Во сколько пойдёшь к нему?

– Сразу после пар, но вот только не сегодня, а завтра. – Она хитро посмотрела на подругу, – а сегодня... ты только не ругайся и не кричи на меня! Я встречаюсь с твоим братом.

– Я так и знала, что он на той беседе не остановится. Ты сама не понимаешь, во что ввязалась. Теперь это твои проблемы.

– На нагнетай, я просто посмотрю, дам пару советов и всё. Подкинешь меня до его офиса?

– Не вопрос. Только постарайся не задерживаться.

Как бы Кира не старалась, так до конца дня и не придумала уважительную причину, чтоб отпроситься у Шнайдера. Любая отговорка выглядела нелепо, но всё получилось само собой. Сопровождение у Саши перенеслось на час раньше, и он безостановочно писал ей, поторапливая. Он отправил за ней машину, и теперь нервный водитель пытался до неё дозвониться.

Кира стояла в дверях подсобки, сжимая в руке телефон, который гудел без остановки. Она не брала трубку, но и не сбрасывала вызов.

– Евгений Геннадьевич, – начала она. – Простите, пожалуйста, не могли бы вы сегодня меня отпустить?

Он поднял голову от бумаг. Взгляд скользнул по ней и задержался на телефоне, который продолжал гудеть.

– Жилина, – Кира уловила в его голосе разочарование. – Ты же только пришла на исправительные работы и уже надеешься сбежать?

– Мне очень надо уйти! – Она шагнула вперёд. – Это только один раз! Больше не повторится. Я всё отработаю, всё, что скажете!

Он смотрел на неё, и она видела, как что-то меняется в его глазах.

– Свидание горит? – спросил он с лёгкой насмешкой.

– Да вы просто мастер неудобных вопросов! – возмутилась Кира.

– Ну я изначально хотел спросить, не вляпалась ли ты в очередной раз в криминал, но после вчерашнего решил, что не стоит больше шутить на эту тему.

Улыбка на её лице появилась и тут же исчезла.

– Ступай, Жилина. – Сказал он, опустив взгляд в бумаги. – И не заставляй меня пожалеть, что я доверился тебе.

– Спасибо! – выдохнула она, и лицо её озарилось искренней улыбкой. – Спасибо!

Она развернулась и выбежала из кабинета так быстро, что через пять секунд в коридоре уже стихли её шаги.

Офис Саши занимал весь верхний этаж в бизнес-центре. Кира поднялась на лифте, назвала своё имя на ресепшене, и её проводили в переговорную, через стеклянные стены которой она уже видела Сашу.

– Кира, спасибо, что приехала. – Он пожал ей руку и указал на кресло. До начала переговоров оставалось еще немного времени. Кира оглянулась по сторонам, указала пальцем на небольшую камеру видеонаблюдения над потолком.

– Она всё записывает? – спросила она.

– На сколько я знаю, да.

Она кивнула, села и отложила сумку на соседнее кресло, телефон положила рядом, но перевернула его экраном вниз, чтобы ничего не отвлекало.

Через несколько минут к ним вошёл мужчина.

– Александр, рад тебя видеть. – Он похлопал его по плечу, как старого друга. – Как семья?

Как родители?

– Всё хорошо, спасибо, – ответил Саша, широко улыбаясь.

Кира сразу отметила: мужчина лет пятидесяти, плотный, уверенная походка, рукопожатие крепкое, взгляд прямой. Он улыбнулся Саше, поздоровался, сел напротив.

Она делала мысленные пометки, фиксировала и старалась всё удержать в голове. На удивление, она не испытывала ни панику, ни дискомфорт, она не опускала головы и смотрела во все глаза.

Когда переговоры, затянувшиеся на два часа, наконец закончились, мужчина пожал Саше руку, вежливо улыбнулся Кире и вышел.

Саша подождал, пока дверь закроется, выдохнул и потёр руками лицо.

– Ну?

Кира взглянула на телефон и вновь положила его на стол, сделала глубокий вдох.

– Тебе как удобнее: яркими эпитетами или в цифрах?

– Давай сразу в цифрах. – Он откинулся на спинку кресла, но взгляд оставался цепким.

– Я бы оценила вашу расстановку сил как 30 на 70. Твоих – тридцать процентов успеха.

Он тебя зажал в конце разговора. Ты это почувствовал?

– Я чувствовал, что идет давление, но...

– Он на это и рассчитывал. – Кира села напротив, положила руки на стол. – Давай я начну издали. Ты же понимаешь, что любые бизнес-переговоры – это всегда игра. Твоя задача либо выиграть, либо свести к ничьей, чтобы и «вашим и нашим» было хорошо. Но в данной партии, этот человек ушёл от тебя с ощущением победы. Он весьма хороший переговорщик, действующий чисто интуитивно. У нас у всех это заложено в подкорках мозга, просто у кого-то сильнее развито, у кого-то слабее. Для начала он тебя откалибровал: личные вопросы, проверка на доверие. Потом, когда ты показал, что ты принимаешь это, перешёл к давлению через авторитет. «Я знаю твоего отца», «мы свои люди». Это классика.

Саша слушал, не перебивая.

– Дальше, – сказал он.

– Он использовал технику ложного выбора. Либо ты мне доверяешь, либо мы расходимся. Третьего не дано. Он играл на твоём страхе потерять контракт.

– А что мне надо было сделать?

– Хотя раз попробуй сделать так: выдержи паузу, досчитай до пяти, а потом произнеси фразу «мне это не выгодно». Не бойся потерять его, в конце концов рынок большой, возможно, ты найдёшь более выгодное партнёрство. Но ты должен быть в себе уверен. Что такое уверенность? Это не отсутствие страха. Но это сознательный контроль над собой и своим телом. Не суетись ни в речи, ни в жестах.

Кира замолчала, видя, как у Саши явно прорисовалась межбровная морщинка, ему требовалось время, чтобы усвоить услышанное.

– У меня под конец дня голова начинает уже пухнуть. – Саша откинулся в кресле и выпил почти всю бутылку воды. – Продолжай.

– Ты задаёшь вопросы так, будто уже знаешь на них ответ.

Саша хотел что-то возразить, но она подняла руку, останавливая:

– «У вас есть сертификаты на рабочие материалы?» – это закрытый вопрос. Он может кивнуть и уйти. А нужно: «Расскажите, о ваших поставщиках о материалах и сертификатах». Тогда он будет вынужден раскрываться. А ты слушай и молчи. Даже кивать «поддакивать» не надо. Активное слушание оставь для дружеских бесед.

Саша слушал, слегка наклонив голову.

– Понял.

– Когда он говорит общие фразы – не перебивай. Дай ему договорить. А потом сделай паузу. Несколько секунд. Посмотри на него. В тишине люди начинают нервничать и добавлять детали. Часто те, которые не планировали говорить. Всем неудобно в паузы и человек интуитивно попытается их заполнить словами.

Кира ощутила прилив уверенности, как на практикуме у Чернова, когда она вдруг понимала, что видит больше остальных.

– И ещё, – добавила она. – Следи за его руками. Если на острых вопросах он начинает теревить что-то – ручку, галстук, край стола – это дискомфорт. Если откидывается на спинку – защита. Если наклоняется вперёд, открывает ладони – заинтересован.

Она замолчала, вдруг осознав, что говорит слишком много. Саша смотрел на неё с выражением, которое она не могла прочесть. Уважение? Удивление?

– Ты это всё... где научилась? – спросил он тихо.

– У нас есть спецкурс. Профайлинг. – Кира отмахнулась, не желая углубляться в подробности, – Еще добавлю пару слов по сути самих переговоров. Он что-то недоговаривает.

– Что именно?

– Откуда же я знаю, – улыбнулась она, – но есть маркеры. Когда ты спросил про гарантии, он сильно нервничал. Это либо внутренний диалог, либо поиск решения. Плюс достаточно много жестов самоуспокоения.

Саша слушал внимательно, не перебивая.

– Дальше, – сказал он.

– Его речь. Когда он говорит об общих вещах – он уверен, говорит быстро, без пауз. Как только переходит к конкретике, то появляются общие формулировки. «Мы это решим», «будем на связи», «всё будет нормально». Ни разу не сказал: «я сделаю», «я гарантирую». Это уход от ответственности.

– То есть он не надёжен?

– Нет. Я не могу сказать на сто процентов. Но он не уверен в том, что обещает со своей стороны. Возможно, сам ещё не понял, сможет ли выполнить условия или надеется, что выкрутится по ходу выполнения работ. Или... – Она замолчала.

– Или?

– Или надеется, что ты не будешь проверять.

– И как быть?

– Просто внимательно прописать важные моменты в контракте, прописать соответствующие штрафные санкции, провести дополнительную встречу или запросить все сертификаты до старта работ, может поговорить о какой-то финансовой гарантии. Тут тебе виднее, я не специалист, тонкостей не знаю. И ещё. – Кира на секунду задумалась, – если в какой-то момент поймешь, что он снова начинает на тебя давить, используй его же оружие по схеме: пауза, прямой взгляд, и фраза, типа: Виктор Павлович, я ценю, что мы свои люди. Поэтому... Переверни это против него. Покажи, что «свои» люди работают с двух сторон и уважают друг друга. И на будущее, еще обращаю внимание на важный момент, в следующий раз, когда планируешь выяснить какую-то значимую информацию, то не прерывай зрительный контакт.

– О, я слышал, что, когда люди врут, они не могут смотреть в глаза.

– Не верь в это. Не воспринимай один фактор в отрыве от других. Многие вруны специально для убедительности смотрят в глаза, но это лишь игра, они контролируют, на сколько сильно им поверили. А человек, говорящий правду может задуматься, что-то вспоминать и в этот момент смотреть куда-то в сторону.

Он медленно кивнул несколько раз, что-то прикидывая в уме.

– Кира, – сказал он после паузы, – я хочу, чтобы ты присутствовала на всех следующих переговорах. Не как наблюдатель. Как консультант. Она подняла глаза.

– Я не смогу. Напоминаю, я учусь и мне надо писать диплом, еще практика светит в ближайшем будущем.

Он усмехнулся:

– Учись дальше. Но я хочу, чтобы ты была рядом.

Он открыл папку, вытащил и протянул ей конверт.

– Здесь за сегодня.

– Спасибо, – сказала она ровно.

– Это работа, – повторил он свою любимую фразу. – И ты с ней справляешься.

Она взяла конверт и не проверяя положила в сумочку.

– Но я бы хотела еще пересмотреть видео. Вдруг, я что-то упустила.

– Расслабься, это не вопрос, а первые предварительные переговоры.

– Если я выполнила это за деньги, мне бы хотелось чувствовать, что выполнила всё отлично. Для меня это важно. И к тому же, тебе будет полезно посмотреть на себя со стороны. Я могу указать на твои ошибки в разговоре.

– Хорошо, я скину тебе.

– Ладно, была рада помочь. Мне пора. Не хочется проспать и попасть на ещё одну отработку.

Она вспомнила, как сбежала от Евгения Геннадьевича и не сдержалась от улыбки.

– Слушай. А какое у тебя расписание? Во сколько ты обычно заканчиваешь?

– Саш...

– Я просто уточнил. Я позвоню тебе! – он пожал ей руку на прощание.

– Хорошо, если не смогу ответить – напиши.

Она вышла из лифта и направилась к выходу, внутри всё гудело от усталости. Кира глянула на часы. Почти половина девятого. Пока она доберётся до дома, будет уже около десяти. А ещё неплохо бы успеть подготовиться к завтрашней учёбе.

На следующий день Кира сидела на лекции в просторной аудитории, пытаясь внимательно вслушиваться в слова лектора. Её речь была столь витиевата и наполнена терминами, что воспринималась с трудом. Кира уже сожалела, что просидела до середины ночи над учебниками и мечтала о кофе, когда увидела, что ей пришло сообщение в мессенджере от Шнайдера. Затем тут же на экране всплыло уведомление о ещё одном, затем третьем. Она молча следила за телефоном и затем аккуратно перевернула его экраном вниз. С одной стороны ей нетерпелось прочитать их, с другой стороны, не хотелось, чтобы кто-то заглянул ей через плечо.

Как только пара закончилась, Кира дернула за рукав Дину:

– Займи у Чернова мне место.

– А ты сама куда?

– Надо позвонить, – соврала Кира.

Она отошла за угол и открыла чат:

«Даже не думай сегодня пропустить нашу встречу»

«У меня будет совещание, возьми конспект в верхнем ящике моего стола и закончи с лекциями, пока меня не будет»

«Обязательно дождись меня. Надо обсудить планы и статью».

Прочитав их, она отправилась на практикум к Чернову и вошла в 320 аудиторию за пять минут до начала занятия. Впервые за долгое время она чувствовала себя уверенно. Конверт с деньгами лежал в сумке, голос Саши всё ещё звучал в голове: «Ты отлично справляешься».

Дина уже сидела на своём месте, она убрала сумку, освобождая для неё стул.

– Знаешь, хоть ты и моя лучшая подруга, но я на тебя злюсь. Мне только что позвонил Саша и наезжал, что я плохо учусь. Он сказал, что поговорит обо мне с отцом. Он тыкал мне твоим примером.

Кира счастливо улыбалась.

– Прекрати улыбаться! Или у тебя есть какой-то повод?

– Нет, просто хорошее настроение, – ушла от ответа Кира, раскрывая тетрадь.

Она не раскрыла подробности встречи, Дина всё равно бы не разделила их восторга.

«Сегодня я покажу ему, – подумала она, взглянув на дверь, из-за которой вот-вот должен был появиться Чернов. – Я покажу, что я могу».

Чернов вошёл бесшумно, как всегда, без суеты, словно материализовался в пространстве. Чёрная водолазка, тёмные брюки, вместо лица непроницаемая маска. Он не поздоровался, не оглядел аудиторию привычным сканирующим взглядом. Сразу прошёл к столу, поставил свой ноутбук и включил его.

– Кто назовёт мне базовые эмоции по Полу Экману?

– Радость, гнев, страх, печаль, удивление, отвращение и презрение, – выкрикнул кто-то с дальнего края стола.

– Жилина, какая из них самая короткая по времени проявления?

– Если согласно системе Экмана... то удивление.

– Гуцин, дополни.

Дима лениво поднял голову:

– Удивление быстро сменяется другой эмоцией в зависимости от того, чем было вызвано: страхом или радостью, например. Настоящая эмоция начинается после того, как мозг оценил, что конкретно произошло. Поэтому запускаются чуть позже, но длятся дольше. А чистое удивление – вспышка.

– Правильно. Удивление длится меньше секунды. Если оно задерживается – это уже не микровыражение, а социальная маска. Именно с этим мы сегодня и будем работать.

Он выключил свет, погрузив аудиторию в полумрак и вывел изображение с ноутбука на доску. На экране появилось изображение мужчины лет сорока, сидящий на стуле, руки на коленях. Взгляд прямой, но слишком открытый.

– Смотрим десятиминутное видео. Ваша задача: дать полную характеристику этому персонажу, выявить конгруэнтные моменты, противоречия, зафиксировать маркеры стресса и когнитивной нагрузки, составить план дальнейших вопросов.

Кира смотрела на экран. Изображение ещё не включилось, но она уже чувствовала, как внутри поднимается знакомая волна сосредоточенности и готовности.

– Первой будет отвечать Жилина.

Она взяла ручку, чтобы делать заметки.

– Нет. – Чернов указал пальцем на тетрадь. – Без бумаги. Без времени на подготовку. В реальном времени. Смотришь, потом сразу говоришь, что увидела и запомнила.

Кира встала. Ручка выпала из пальцев и стукнулась о стол. Чернов следил за ней. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на секунду, не больше. Внимание, с которым он следил и читал каждое её движение и слово, не оставляли шансов на сомнение, что он видит её насквозь.

– Для начала объясни, почему я запретил заметки.

Кира слотнула.

– В реальном допросе нет времени на конспект. Микровыражения делятся доли секунды. Если я буду отвлекаться на записи – я пропущу их. Всё, что нужно фиксировать, должно оставаться в голове.

Чернов не кивнул. Не сказал «хорошо». Просто смотрел на неё, и от этого взгляда хотелось то ли провалиться сквозь землю, то ли доказать, что она не зря здесь стоит.

– Начинаем, – сказал он и нажал на клавишу.

Кира внимательно всматривалась в экран, стараясь ничего не упустить, но под пристальным взглядом Чернова ей с трудом удавалось просто спокойно стоять. Ролик закончился. Она набрала в лёгкие побольше воздуха и начала:

– Я отношу этого человека к эпилептоидному типу личности. В ответах на вопро...

– Стоп. – Чернов перебил её резко, но не повышая голоса. – Мы здесь не диагнозы ставим. Говорите о том, что вы видели. Наблюдаемое поведение, а не ярлыки.

Кира немного прокашлялась, прочищая горло и продолжила слегка осипшим от волнения голосом:

– Речь. У него детальная речь, с подробностями, без ухода от темы. Жесты сдержанные, но на некоторых вопросах – резкие, рубленые. Мимику держит под контролем, но когда начинает говорить больше, контроль ослабевает...

– В каких моментах конкретно? На каких секундах?

Она растерялась. Подробности, которые ещё минуту назад были чёткими, словно исчезли из головы. Она открыла рот, но не успела ответить – новый вопрос:

– Какая его базовая эмоция?

– Гнев, – выпалила она.

– Аргументируйте.

– Он долго контролирует себя, но затем происходит вспышка. Примерно на 4-й минуте, когда спрашивают про...

– Достаточно аргументов, я понял, – перебил Чернов. – Продолжайте по сути.

Она выделила основные противоречия: общие формулировки вместо конкретных деталей, уход от прямых ответов, паузы, смещение фокуса. Она закончила и посмотрела на преподавателя. Чернов смотрел на неё. В аудитории стаяла угрожающая тишина.

– Садитесь, – сказал он.

Она села, чувствуя, что что-то идёт не так. Она не ожидала столкнуться с такой агрессивной реакцией на её ответ с первых же слов. Она даже ещё не начала выдавать свои аргументы, как он сбивал её, словно толкал из стороны в сторону.

Чернов медленно обвёл взглядом аудиторию.

– Что не сделала Жилина? – спросил он и выдержал паузу. – Вы составили план вопросов, действий. Хорошо. – Он не повышал голоса, но каждое слово било. – Но вы так и не аргументировали психопрофиль. А он здесь очевиден. Вы пропустили эмоцию страха, а это крайне важно. И соответственно, не заметили вопрос, на котором этот страх проявился. Вы пропустили перепады в речи, провалы в деталях на ключевых вопросах, не перечислили маркеры высокого уровня стресса, увод взгляда на вопросе о сроках. – Он сделал паузу. – Мне продолжать?

Кира не подняла головы.

– Нет, – сказала она потухшим голосом.

Чернов кивнул, как будто только этого и ждал.

– Вы знаете теорию, Жилина и довольствуетесь этим. Но теория без практики – это мёртвый груз. Вы можете процитировать все учебники. Но сможете ли вы применить это, когда от вашего решения будет зависеть чья-то судьба? Вам кажется, что вы представляете из себя что-то исключительное, но каждый раз я испытываю разочарование.

Она хотела ответить, но слова застряли в горле. Хотелось крикнуть: «Просто не надо так давить на меня!»

Чернов выпрямился, отошёл к окну, оказавшись за её спиной.

– Сейчас я сделаю повтор записи и каждый из вас составляет свой отчёт, срок – одна неделя. И это должен быть не просто анализ, а протокол. С таймингом, с вопросами, с разметкой невербальных маркеров.

Он поднял глаза на аудиторию:

– Затем вы на сегодня свободны.

Студенты зашевелились, зашуршали бумагами. Кира сидела не двигаясь, ничего не писала и не смотрела на запись.

Как только видео остановилось, Чернов захлопнул ноутбук и ушёл из аудитории. Дина тронула её за локоть:

– Кир, пойдём.

– Иди, мне всё равно надо к Евгенадичу на отработку, я подожду его здесь. – Сказала она, не узнавая свой голос.

Дверь за последним студентом закрылась. Кира осталась одна в аудитории. Она смотрела на свою тетрадь, на аккуратные записи и не понимала, что с ней происходит. Слова Чернова врезались в память, уничтожая всё, что она успела выстроить за последние дни. Она вспомнила, как уверенно говорила с Сашей, как чувствовала себя почти профессионалом. И теперь это всё рассыпалось, как карточный домик. В этот момент она ненавидела Чернова. «В следующий раз он не скажет “мне продолжать?”. Потому что в следующий раз она не ошибётся.»

Она почувствовала пощипывание в глазах. Кира сжала зубы и подошла к окну чтобы отвлечься, но слёзы всё равно тихо потекли по щекам, которые она тут же вытирала ладонью, злясь на себя за слабость.

Дверь неожиданно открылась. Кира вздрогнула, резко опустила голову, делая вид, что что-то ищет в сумке.

– Жилина, – голос Чернова прозвучал не так строго, как на занятиях. – Почему вы ещё здесь?

Она не посмотрела на него. Сделала глубокий вдох и постаралась ответить, как можно равнодушно:

– У меня встреча с Евгением Геннадьевичем.

Чернов молчал. Она тоже больше не проронила ни звука. В тишине она услышала его медленные и приближающиеся шаги. Он остановился напротив неё на расстоянии, но она чувствовала его присутствие всем телом.

– Посмотрите на меня, – сказал он.

Она медленно повернулась. Слёзы уже высохли, но глаза, наверное, были красные. Она не знала, куда смотреть – на его руки, на ворот водолазки, куда угодно, только не в глаза.

– Вы обижены... А что такое обида? Это смесь преимущественно печали и гнева, – он выдержал паузу и добавил немного тише, будто размышлял сам с собой, и читая каждое движение на её лице, – с возможным добавлением *презрения* или *отвращения*.

Он подошёл ещё ближе:

– Думаете, я к вам не справедлив, – он смотрел на неё в упор. – Вся ваша поза, упрямый наклон головы, поджатые губы говорят, что вы в данный момент на эмоциях. Вы не извлекли урок. Как вы собираетесь дальше работать с другими людьми, если не в силах справиться с собой? Всё ваше внимание ушло на контроль над собой, а не в работу. Дайте себе время остыть и вернитесь к этому уроку позже. Не к видео, а именно к уроку, *к нашему с вами разговору* на нём. Обдумайте его и сделайте правильные выводы. Переосмыслите его и мы поговорим с вами об этом позже.

Кира вся напряглась, пытаясь успокоить дыхание, она действительно не справилась с собой. От этого на душе стало еще хуже. Она слушала его и ненавидела себя за то, что он прав. Она сорвалась. Расклеилась. А он стоял спокойно, раскладывал её эмоции по полочкам. И это было хуже критики. Она промолчала, но впервые за долгое время они встретились взглядами.

– Я не хвалю студентов, – сказал он мягче, всё еще разглядывая её лицо. – Особенно тех, кто может больше. Потому что похвала успокаивает и расслабляет. Переделай протокол. Принеси через неделю. И тогда, может быть, я скажу «достаточно». Поняла меня?

Она не сразу заметила его перехода на «ты», но от мягкого тона она снова чуть не заплакала. Он отошёл от неё и почти на выходе из кабинета спросил задумчиво:

– И с какой целью на этот раз вы встречаетесь с Евгением Геннадьевичем?

– Небольшое совещание.

– На тему?

– Надо обсудить темы для статьи.

– Какой ещё статьи?

Кира, не желая говорить с ним, скупно в двух словах объяснила.

– Ясно. Что ж, тогда, вероятно, мы ещё увидимся.

Он распахнул дверь и вышел не оглядываясь.

Кира выждала пару минут, а потом зашла в подсобку, намереваясь взять конспект и как можно скорее взяться за работу. Она больше не планировала здесь задерживаться и проявлять интерес к чужим вещам.

Расположившись в аудитории и воспользовавшись отсутствием Евгенича, она быстро сфотографировала все страницы его конспектов, оставив одну лекцию – последнюю из утерянных, которую планировала демонстративно переписать сейчас, сделать вид, что добросовестно обрабатывает. Всё оставшиеся просто заполнит дома.

Она положила на стол свои заметки с темами статьи, над которыми ломала голову этой ночью, и принялась писать, поджидая Шнайдера.

Евгений Геннадьевич зашёл в аудиторию спустя тридцать минут и, скидывая на ходу пиджак, повесил его на спинку преподавательского кресла. Он, как всегда, был элегантен и свеж. Кира отметила, что Шнайдера легко можно отнести к категории людей, которым идёт их возраст. Закатав рукава рубашки, он прошагал к ней, небрежно отодвинул соседний стул и сел немного позади неё, облокотившись правой рукой на спинку её стула.

Киру обдало приятным ароматом его парфюма с древесными нотками. Он подсел так близко, что касался коленом её бедра. Случайное ли это касание? Кира не хотела об этом рассуждать, так как верный ответ ей уже подсказывала интуиция. Но вот в вопросе «что ей с этим делать?» интуиция и мозг хранили молчание.

– Ну, как дела, красотка?

– Не жалуюсь, – преодолевая смущение от его нежного и одновременно заговорческого тона ответила Кира. После слов Чернова настроение уже немного выровнялось. Она продолжала писать, не поднимая головы, оттягивая момент, когда, остановившись, ей придется встретиться с ним взглядом или заговорить.

Круговорот мыслей в её голове сбивал с работы, к тому же близость завкафедрой вгоняла её в ступор. Она слышала его дыхание, как он постепенно наклонялся к ней, заглядывая через плечо, но не прикасался.

– Ты, уже почти закончила. Отлично, тогда сразу перейдём к темам статьи.

Кира не глядя подпихнула ему лист с темами и через мгновение повернула немного голову, чтобы пояснить что к чему, но не смогла произнести и слова, так как он находился слишком близко и смотрел на неё в упор. Она облизнула пересохшие от волнения губы и слегка отстранилась вправо от него.

Он словно гипнотизировал её взглядом. Она чувствовала, как ее лицо заливают краской и она мысленно просила хоть кого-нибудь появиться в аудитории и прекратить все это, мысленно зывала о помощи. Евгений Геннадьевич не был ей противен – это слово слишком сильное. Но сам натиск казался чрезмерным. Он словно ткал вокруг неё паутину: сначала лёгкие нити внимания, затем прочные петли заботы, и с каждым разом он подбирался всё ближе, сокращая расстояние мягко, но неотвратимо отрезая пути к отступлению.

Спасение наступило неожиданно. Дверь распахнулась и на пороге показался Роман Алексеевич. Он сразу понял, что происходит в аудитории. Не сводя глаз с друга, он закрыл за собой дверь.

– Роман, какая неожиданность, я думал, что ты уже уехал. – Шнайдер выпрямился.

Кира слышала, что, произнося эти слова он улыбался. Чернов же оставался крайне серьезным.

– Женя... можно тебя на минуту, – его спокойный, но в то же время сильный голос опять пробрался в самую душу Киры, пробирая до мурашек.

– Мы сейчас заняты. – Он небрежно откинулся на стуле, не собираясь вставать.

– Я настаиваю.

В воздухе витало напряжение, но Кира делала вид, что её это не касается. Она, всё ещё сидя на дальнем краешке стула, смотрела в свой конспект и делала отметки.

Дверь вновь распахнулась с такой силой, что Кира вздрогнула. В кабинет влетела Юлия, секретарь Шнайдера, сияющая, раскрасневшаяся и с пачкой бумаг в руках, явно после быстрой пробежки.

– Рома, ну тебя не догнать! – она остановилась, поправила блузку, которая и так сидела идеально, и шагнула к Чернову, не сразу заметив, что они в кабинете не одни. – О! Какая тут компания.

Она на секунду смутилась, затем бросила на Киру быстрый оценивающий взгляд и снова обратилась к Чернову, совершенно не замечая напряжение среди этих троих:

– Ты так заболтал меня, что у меня абсолютно всё из головы совсем вылетело. Мне же надо было с тобой кое-что обсудить.

«Заболтал»? Кира едва сдержала порыв посмотреть на Чернова. Он заболтал Юлю? Он так умеет?

Юля подошла так близко к Чернову, что их разделяли считанные сантиметры и положила руку на его запястье, при этом выпятила грудь настолько явно, что не списать на случайность.

Кира украдкой смотрела то на неё, на их руки, то на Романа Алексеевича и чувствовала, как внутри поднимается раздражение. Она мысленно усмехнулась. «Какая разница. Мне-то что. Нет, но всё же, как она старается! Какой неприкрытый флирт. Даже перебор. Как же она меня раздражает».

– И Жень, кстати, – Юлия перевела взгляд на Евгения Геннадьевича, и словно промурлыкала ему: – хорошо, что ты тоже здесь. Это и тебя касается.

Она отпустила Чернова, но сделала это медленно, словно нехотя.

– Могла бы позвонить, а не бегать, – сказал Шнайдер, разведя руками в стороны.

– Да что звонить... Сначала одному, потом второму, – Юлия игриво пожала плечами. – А так вы оба здесь. И вообще, подписи по телефону не собрать, – она подняла руку и помахала перед ним бумагами. – Пришли документы из деканата, иди и подпиши их.

– Отлично, тогда давайте прямо сейчас все вместе и сделаем, – Чернов указал на подсобку. – Женя?

Юлия взяла Романа Алексеевича под локоть, прижалась к нему боком, так естественно и небрежно, как будто это само собой разумелось. Кира опять посмотрела на Чернова, стараясь не выдать своего любопытства. Он тоже посмотрел на неё и она тут же опустила взгляд.

– Вы идите, я сейчас, – сказал Шнайдер.

– Не задерживайся, Жень. Нам без тебя не начать. – Всё еще ничего не замечая пропела секретарша.

Кира поймала себя на том, что задержала дыхание на выдохе и от этого всё тело онемело от напряжения. Но из мыслей её вырвал Шнайдер, он наклонился к ней так близко, что она кожей почувствовала его дыхание.

– Я скоро, – шепнул он ей и слегка коснулся ладонью спины.

Кира кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Шнайдер медленно встал, и скрылся в подсобке, плотно закрыв за собой дверь.

Их разговор продолжался не более пяти минут, но Кире этого времени хватило, чтоб быстро и бесшумно выскользнуть из аудитории. Все его бумаги она оставила валяться на столе – это может создать иллюзию, что она вышла на минуту и сейчас вернётся.

Но нет, выйдя в коридор она быстро мчалась в сторону выхода, готовая, как только скроется за поворотом перейти с шага на бег. Она уже забыла про Евгения Геннадьевича, перед ней были лишь глаза Чернова. Его внимательный и анализирующе глубокий взгляд серых глаз. Что он подумает о ней? Что она крутит с Евгением Геннадьевичем? А он? Неужели он крутит с Юлей? Не может этого быть! Только не с ней! Она не знала, что хуже – то, как Чернов смотрел на них, как Шнайдер шептал на ухо или как Юля прижималась к Чернову. Она выбежала на улицу, вдохнула холодный воздух и поняла: она снова сбежала.

Закончив разговор и подписав документы, Шнайдер вышел в аудиторию к Кире и заодно проводить, если не сказать выпроводить, Юлю. Но Киры не было. На столе лежали его лекции и лист с темами для статьи. Прочитав его внимательно, он свернул его несколько раз и убрал в карман.

– Кажется, она сбежала...

– И правильно сделала, – равнодушно ответил Чернов со своего места.

Шнайдер вернулся к себе и тоже сел за стол. Чернов продолжил уже другим голосом:

– Ты не видишь, что она вся напряжена и сама не своя. Прекрати зажимать эту студентку.

– Он говорил это как бы между делом, разыскивая среди разбросанных по столу папок с документами нужную. – Она явно боится тебя. Она чуть со стула не падала, отодвигаясь от тебя в сторону. Оставь ее в покое.

– Но зато я смотрю Юля тебя совершенно не боится и падает не от тебя, а прямо тебе в объятия.

– Юля... С Юлей я разберусь. И если ты пытаешься на что-то намекать, то скажу сразу, что ни Юля, никто другой мне не интересен.

– А вот я не буду врать ни тебе, ни себе. Мне она интересна – умная и красивая девочка. Это я не про секретаршу, конечно. Я взял её под своё крыло. Не более того. Я всё держу под контролем.

– Предупреждаю: я буду ежедневно за тобой пристально следить, чтобы ты не натворил глупостей. За каждым твоим шагом.

– Как трогательно... – язвительно заметил Евгений.

– Жень, иногда надо уметь говорить своим желаниям «нет».

– Не знаю, как это объяснить, но меня распирает любопытство, я хочу узнать о ней как можно больше. Честно говоря, я сам до конца не понимаю, как так происходит. Вроде все спокойно, но как только вижу её – хочу привлечь её внимание, поговорить с ней. Она по-детски старательно прячет взгляд, и только на лекциях я могу его поймать и то на долю секунды. Потом она резко отворачивается. И мне это нравится, меня это... заводит. Понимаешь? Я ничего не планирую, просто хочу с ней пообщаться, вот и всё.

– Это меня и беспокоит.

– Избавь меня от своего назойливого беспокойства! Не будь таким занудой! Меня тянет к ней, и я ничего не могу с этим поделать, в конце концов она уже не ребёнок. Я хочу понять,

что кроется за её молчанием, какая она на самом деле. Ведь я вижу, что в своём кругу она другая, но при мне – молчит. Почему? Я ее смущаю?

– Моё мнение – ты ошибаешься. Что если я тебе скажу, что она и со мной себя так же ведёт? В конце концов есть другие признаки, которые проявляют, когда интересуются человеком. Ты их отмечал?

– Ты про те, которые проявляет Юля к тебе? Вот их точно вся кафедра замечает. Не, лично мне такое не надо, спасибо. Мне не интересно узнавать таких девиц. Что у них на уме мне и так понятно, там уже нечем меня удивить.

– Так вот ты сам себя ведёшь как Юля. Только послушай себя, что ты говоришь о своей студентке! Мне кажется, что ты теряешь связь с реальностью. Ты приближаешься к пропасти, к серьёзным проблемам и не видишь этого.

Шнайдер слушал его с задумчивой полуулыбкой и не собирался признаваться, что она действительно довольно сильно завладела его мыслями и фантазиями. Он отвернулся и сделал вид, что поглощён работой.

Следующий учебный день тянулся медленно и нудно. Закончилась очередная пара и толпа шумных студентов высыпала из аудитории. Кира лениво собирала вещи, чувствуя, как напряжение последних недель потихоньку обесточивает её.

В коридоре её уже ждали. Дина сидела на подоконнике, болтая ногами, и смотрела в телефон. Рядом, прислонившись к стене, стоял Дима и равнодушно листал ролики в телефоне. Оба выглядели такими же измотанными, как и она сама.

– Ну наконец-то, – протянула Дина, спрыгивая на пол. – Я думала, ты там ночевать собралась.

Кира только вздохнула. Ей не хотелось говорить. Не хотелось обсуждать пары, статьи, Чернова или кого-то ещё. Ей хотелось одного, чтобы этот день поскорее закончился.

Кира, Дина и Дима отделились от всех.

– Ну что, куда пойдём? Времени до пары ещё много. – Спросила Дина.

– Может, пойдём обедать?

– Пойдём, я с тобой посижу, я не особо голодна. – Поддержала её подруга

– Девчонки, вы идите, я присоединюсь к вам через десять минут, мне надо сбегать по делам.

– Это ты так красиво говоришь про перекур? – поддразнила его Дина, – бросал бы ты эту привычку.

– Хорошо, мамочка и спасибо за непрошенный совет. – Он послал ей воздушный поцелуй и удалился.

Девушки добрались до столовой и заняли столик у стены. Дина вытащила из сумки питьевой йогурт.

– Я пойду, выберу себе что-нибудь на обед, – как-то вяло сказала Кира и пошла к раздаче. Она вернулась через несколько минут с подносом в руках, на котором красовался салат и два пирожка с яблоками.

– Как думаешь, может нам всем сегодня в бар сходить? – задумчиво сказала Дина.

– Сегодня? А что за повод?

– Начало ноября, чем тебе не повод? К тому же пятница.

– Я бы с радостью повеселилась, но нет ни сил, ни времени. Давай, может, через неделю?

– Это долго... Ладно, я сейчас напишу в чате, устрою опрос. – Не отрывая взгляда от экрана задумчиво спросила: – А что, если Синицина пойдёт?

– Не переживай, я не собираюсь устраивать с ней драку.

– Кстати, ты написала заявление о пропаже сумки? – спросила Дина, понизив голос.

– Нет. И не буду.

– Нельзя это просто так оставлять! – Дина стукнула по столу своей всё еще не открытой бутылкой, но Кира даже не подняла головы.

– У меня сейчас столько проблем, – она отложила вилку, которой лениво ковыряла салат, – в том числе с деканатом, что привлечь на себя внимание полицией совсем нет желания. Это всё равно разойдется по студентам, поднимется шум, пойдут слухи. Не хватало еще мне своими заявлениями репутацию универа портить. Ольга Викторовна тогда точно отчислит меня. Нет уж, спасибо.

– А Шнайдер? – Дина подалась вперед. – Он тебе ничего не сказал, не посоветовал?

Кира лишь безрадостно усмехнулась.

– Или, может, попросить Чернова? – Дина понизила голос, – чтобы он поговорил с Синициной? Он наверняка её раскусит.

При упоминании Романа Алексеевича Кира нахмурилась.

– Ненавижу его, – сказала она тихо. – Никогда не попрошу его о помощи.

Дина сочувственно взглянула на подругу.

– Понимаю и не осуждаю.

– Забей. – Кира отодвинула тарелку. – Не хочу ни о ком из них говорить. С их приходом на кафедру всё пошло не так.

– О, смотри. – Дина кивнула в сторону входа. – Лёгкок на помине.

Кира подняла голову. Первой она заметила Юлию, её рыжие волосы горели даже в полумраке столовой. А потом Чернова. Он шёл рядом, что-то говорил, и лицо его было... другим. Они прошли в стороне от них и сели за столик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.